

A man in a dark uniform stands with his back to the camera on a rocky hill. He is looking out over a vast cityscape that stretches to the horizon, with mountains in the distance under a blue sky with scattered clouds. The scene is bathed in the warm light of late afternoon or early morning.

ДАВИД КОН

**ПОСЛЕДНИЙ
РЯД,
МЕСТО 16**

САБАБА-ДЕТЕКТИВ

Давид Кон
Последний ряд, место 16
Серия «Сабаба-детектив.
Особый отдел полиции»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69757648
Последний ряд, место 16: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-192956-5

Аннотация

Напряженный израильский детектив, в котором с виду несущественный факт полностью разваливает версию полиции и указывает на место, где убийцу никто даже и не думал искать.

Место просто идеальное. Во-первых, в определенное время здесь наступает крошечная тьма. Во-вторых, здесь масса людей, любой из которых гипотетически может быть исполнителем. И, в-третьих, мощные сабвуферы, от звука которых содрогаются стены, с легкостью заглушат любой посторонний звук. Даже выстрел.

Поэтому убийца и выбрал кинотеатр.

Зритель в последнем ряду был убит выстрелом в самый разгар сеанса. Им оказался Антон Голованов, российский журналист,

приехавший в Израиль расследовать мутные делишки некоего бизнесмена Михайлова.

Следователь полковник Лейн запросил баллистическую экспертизу. Результаты показали, что выстрелить в Голованова могли только с двух кресел в зале. Зритель, сидевший на одном из них, оказался очень непростой персоной...

Давид КОН более 10 лет работал ведущим единственного израильского телеканала на русском языке «9 канал». До этого возглавлял газеты «Наша страна» и «Русский израильтянин». Один из самых популярных русскоязычных журналистов в Израиле. Во главе «русской» партии баллотировался в Кнессет. Сейчас работает в Интернете. На его странице в Facebook 5 тысяч друзей (максимально возможное число).

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	45
Глава 4	81
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Давид Кон

Последний ряд, место 16

© Кон Д., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

– Будет пустой зал. И это понятно. Если в фильме нет моря крови, мускулистых героев, летающих на своих плащах, взрывов и голых задниц, никто не придет его смотреть. Даже если фильм замечательный. И поставлен великим мастером.

С этими словами Клара Дворкин, билетер кинотеатра Сinемах в тихом районе Иерусалима Рамат-Эшколь¹, оторвала корешок от билетов немолодой пары и с вызовом взглянула на коллегу Лизу Зальцман, проверявшую билеты у соседних дверей.

– Причем по нынешним временам совершенно неважно, – строго глядя поверх очков, добавила Клара, – мужские это задницы или женские. И это – самое ужасное.

Кларе Дворкин было пятьдесят восемь лет, и она не сомневалась, что жизненный опыт, неуклонное следование установленным правилам и когда-то усвоенным нормам дают ей право учить жизни всех, кого она считала «новым поколением», а значит, людьми неразумными, пустыми и легкомысленными, – своих дочерей, внуков, соседей и, конечно,

---

¹ *Рамат-Эшколь* – Высоты Эшколя (иврит לורכשא תמר). Первый район, построенный в Восточном Иерусалиме после Шестидневной войны и разминирования территории. До войны по этому району проходила граница между Израилем и Иорданией. Назван в честь третьего премьер-министра Израиля Леви Эшколя (с 1963 по 1969 год), родившегося в 1895 году в местечке Оратов Киевской губернии Российской империи под именем Лев Иосифович Школьник.

коллегу Лизу, которой только исполнилось двадцать пять. Да что там, право! Это ее обязанность. Как и любого нормального человека. Если нынешнюю молодежь не учить, она такое натворит! Собственно, уже натворила. Своей неумной тягой к этим ужасным компьютерам и отвратительному интернету они разрушили все, что было дорого любому нормальному человеку. Возможность общаться, глядя друг другу в глаза, а не на фотографию, дружить по-настоящему, а не в социальной сети, писать друг другу нормальные, теплые, живые, а не электронные письма. А что они читают, какую музыку слушают, какие фильмы смотрят?! Нет, если так будет продолжаться, мир просто рухнет. Цивилизация не выдержит такой атаки людей, неспособных ни думать, ни сопереживать ближнему. Вступая в очередной спор, Клара ощущала себя защитницей цивилизации, героем, готовым отхлебнуть волшебного зелья, взвиться над толпой и повести за собой армию эльфов на город, захваченный гоблинами².

Но Лиза, слышавшая заядлой спорщицей и даже отчаянной головой, не была готова безоговорочно принимать наставления. На ее лице появилось утчивое, но вместе с тем упрямое выражение. «Ну почему? – с тоской думала она. – Почему к этой работе, за которую платят гроши, к отсутствию перспективы и постоянному стоянию на ногах должна прилагаться эта старая гримза со взглядами из позапрошлого

---

² *Гоблины, эльфы – злые (гоблины) и добрые (эльфы) персонажи западноевропейской мифологии, использованные позже многими писателями-фантастами.*

века?» Почему бы провидению не дать ей в напарницы веселую девчонку, с которой можно было поговорить о музыке и о литературе, а не о том, как плохо все вокруг устроено и как научный прогресс портит людей?

– Во-первых, сеанс дневной, – рассудительно произнесла она, улыбаясь молодому человеку, который одной рукой протягивал ей билеты, а другой обнимал симпатичную блондинку в ярком плаще. – Кто пойдет в кино во вторник в два часа дня? Во-вторых, ты меня извини, Клара, но Рикафен, хоть ты и считаешь его гением, не тот режиссер, на которого люди должны валить валом. Я дважды начинала смотреть его «Землян» и оба раза выдерживала только до десятой минуты.

Лиза украдкой взглянула на Клару из-под длинных наклеенных ресниц. В ее глазах светилось лукавство. Казалось, ей доставляет удовольствие возражать напарнице и наблюдать, как по мере беседы плечи Клары опускаются, укорачивая ее и без того непропорциональную фигуру, а на лице появляется выражение страдания, будто слова напарницы доставляют ей физическую боль.

Клара действительно была расстроена. Вот они, нынешние веяния. «Земляне»! Фильм об отношениях людей. Совершенно разных. Мальчика-калеки, оставшегося без родителей, и немолодой проститутки, мыкавшей всю жизнь по притонам. Там же все до слез. На пределе. До дрожи. А Лиза, кстати не самая глупенькая из представителей нынешней

молодежи, выдерживала только до десятой минуты. Куда катится мир?!

Клара Дворкин поджала губы и отвернулась от коллеги, наблюдая, как молодой человек в спортивном костюме и синей бейсболке с большим козырьком вывозит из черного минивэна, остановившегося у тротуара, инвалидную коляску. Но оставлять последнее слово за Лизой она не собиралась.

– «Земляне» – сложный фильм для восприятия. – Клара чуть не сказала «простого человека», но сдержалась. – Но «Прекрасная дама мистера Крауна»... Это же такой фильм... С такой тонкой психологией... Я не сомневалась, что у нас будут полные залы. – Клара коротко взглянула на напарницу и твердо закончила: – В том числе и на дневных сеансах.

После этих слов Клара повернулась к Лизе спиной, давая понять, что не намерена продолжать дискуссию. Молодой человек уже вывез коляску из машины, заботливо поправил клетчатый плед, которым был накрыт сидящий в коляске инвалид в такой же, как и у него, синей бейсболке, и пошел к кинотеатру.

«Она действительно волнуется. И злится всерьез, – думала Лиза, не сводя глаз со спины Клары. – Ничего не поделаешь. Это все последствия ее жизни в Советском Союзе. Остатки коммунистического прошлого. Тяжелое наследие тоталитарного режима. Все их поколение не умеет относиться к тому, что происходит вокруг, легко. Вечная борьба.

Покой им только снится. Так их воспитывали». Лиза решила пойти на мировую.

– Времена тяжелые, – вздохнула она, словно желая оправдать свою позицию. – Посмотри, что в мире творится. Эпидемии, войны, террор. Вулканы всякие извергаются. Людям нужны легкие фильмы. Чтобы просто смотреть и ни о чем не думать. Не разбираться во всех этих психологических нюансах.

Клара вздрогнула. Вот он, корень всех зол! Ни о чем не думать! Это ключевая проблема. Они не хотят думать. И не умеют. Вот особенность сегодняшней молодежи. А их поколение этому учили. Начиная с самого детства. Учили думать. И принимать решения. И брать на себя ответственность.

– Боевики? – скривилась Клара, вложив в это слово все доступное ей презрение.

– И боевики тоже. – Лиза уже была не рада, что продолжила спор. – В них, по крайней мере, все понятно. Где свои, где чужие. И свои всегда побеждают.

– И голые задницы? – Клара продолжала гнуть свою линию прежним резким тоном. – Там тоже все ясно. Где свои и где чужие.

– И они тоже. – Лиза протянула руку и взяла билет у очередного зрителя. – Голые задницы всегда пользуются спросом.

Очередной зритель удивленно взглянул на Лизу, взял у нее билет и вошел в фойе. Клара собиралась рассказать Лизе

все, что она думает о людях, у которых пользуются спросом голые задницы на экране. Она уже набрала воздух в легкие, но тут...

– Простите!

Клара и Лиза повернулись одновременно. Полный невысокий мужчина средних лет в темном пиджаке и серой водолазке приподнял над бритой головой старомодную шляпу с черной лентой и протянул Кларе свой билет.

– Простите, – повторил он, указывая пальцем на какую-то строку в билете. – Где этот зал?

– На какой фильм у вас билет? – строго спросила Клара, даже не взглянув на указанную строку.

Бритоголовый вроде как обиделся. Метнул на Клару гневный взгляд и прижал шляпу к груди, будто кто-то собирался ее отнять.

– На «Прекрасную даму», разумеется.

Клара просияла и бросила победный взгляд на Лизу. Вот, дескать, взгляни, какие люди ходят на фильмы Рикафена, – думающие и интеллигентные.

– Зал номер три, – сказала она голосом доброй бабушки, предлагающей внуку сладкую кашу. – Это здесь, на первом этаже. Прямо перед вами.

Мимо нее проехала инвалидная коляска. Везущий ее молодой человек задел колесом дверной проем, произнес: «Простите» – и протянул Кларе два билета. Клара кивнула, оторвала полоски контроля и вернула билеты.

– Проходите, пожалуйста!

Молодой человек коротко кивнул и повез коляску в зал. Бритоголовый еще раз поклонился Кларе, произнес: «Благодарю вас!» – и пошел в сторону буфета, около которого толпились немногочисленные зрители. Одни из них пили кофе за столиками, другие отходили от буфетной стойки с объемными ведерками с попкорном. Прозвучал звонок.

– Пожалуйста, в зал! – провозгласила Клара громким голосом человека, уполномоченного поддерживать общественный порядок. – Сеанс начнется через четыре минуты.

Буфетчик заторопился, его руки задвигались быстрее. Впрочем, очередь не развалилась. Зрители не собирались нарушать свои планы по покупке попкорна, кофе и булочек. Только стали чаще оглядываться на двери зала: не закрыли ли их? Другие зрители, сидевшие за столиками и в расставленных вдоль стен креслах, потянулись к залу.

Бросив короткий взгляд на часы, Клара заперла свою дверь, оставив возможность опаздывающим зрителям войти через дверь, у которой стояла Лиза, и тоже пошла в зал. Зрители искали свои места и занимали их, громко переговариваясь. Клара обвела печальным взглядом пустые ряды кресел, еще раз посмотрела на часы и повернула выключатель. Свет погас. Лиза приняла билет у запоздавшего зрителя – молодого парня в темно-сером костюме и светло-голубой рубашке. На голове у парня была бейсболка со странной надписью: «Русские ведомости в Израиле». Он выхватил свой

билет из руки Лизы и почти бегом бросился к залу, вытирая на ходу пот со лба большим белым платком.

На экране замелькали первые кадры рекламного ролика. Парень в сером костюме быстро прошел через весь зал и сел в середине последнего ряда.

Последним в зал вошел бритоголовый мужчина. Выглядел он очень неловко: шляпа на самой макушке, в руках большое ведро с попкорном и картонный стакан с кока-колой. Клара закрыла за его спиной тяжелую дверь зала. Бритоголовый постоял у порога, давая глазам привыкнуть к темноте, затем осторожно сделал шаг. Клара взяла его под руку и зажгла свой фонарик, светя себе под ноги. Бритоголовый коротко кивнул ей в знак благодарности. Он сделал шаг, потом еще один, но зацепился за что-то ногой и, громко вскрикнув, рухнул на пол, едва не утащив за собой Клару. Она вовремя отпустила локоть бритоголового, замахала руками и с трудом удержалась на ногах. Ведро с попкорном полетело к первому ряду, шляпа покатилась по проходу, стакан с кока-колой шмякнулся об пол и лопнул по швам, расплескивая вокруг себя сладкую жидкость.

Зал ахнул. Зрители вскочили со своих мест, пытаясь рассмотреть, что же произошло. Клара вскрикнула и вцепилась обеими руками в плечо упавшего человека.

– Господи! – воскликнула она. – Что с вами?!

Бритоголовый лежал не шевелясь. Кларе стало не по себе. Не убится ли этот человек на ее глазах? Да что там на глазах.

Она держала его под руку. Потом иди доказывай, что не ты его толкнула.

– Вы живы? – чуть не плача спросила она.

Бритоголовый зашевелился, приподнялся на локте, перевалился на бок и сел на пол, брезгливо оглядывая собственный пиджак, залитый кока-колой. Он чуть не плакал.

– Боже мой, почему я такой неуклюжий?

Несколько зрителей из первых рядов бросились к нему на помощь. Один подал шляпу, двое других помогли подняться. Бритоголовый благодарил, коротко кивал головой и беспрестанно повторял: «Спасибо! Спасибо! Спасибо!» Он с ужасом смотрел на озеро кока-колы на полу и на тонущий в этом озере попкорн.

– Что я наделал! – прошептал он, повернулся к Кларе и схватил ее за руку. – Простите меня, простите, ради бога. Я сейчас все исправлю. Только где мне взять швабру?

Он суетился, вскрикивал, махал руками, пытаясь еще и еще раз отряхнуть брюки и пиджак, и явно чувствовал себя очень неудобно под взглядами всего зрительного зала.

– Не беспокойтесь, мой господин, – Клара попыталась успокоить его. – Садитесь на свое место. Я все сделаю сама.

– Ну как же, – попытался возражать бритоголовый. – Это ведь моя вина. Я сейчас... Сейчас... Только позвольте.

– Успокойтесь и сядьте, – голос Клары приобрел жесткость. – Главное: вы в порядке? Руками и ногами шевелить можете? Кровь нигде не идет?

Бритоголовый осмотрел собственные руки, подвигал ими, ощупал лицо, переступил с ноги на ногу.

– Вроде все в порядке.

– Садитесь! – скомандовала Клара и вышла из зала. Но тут же вернулась со шваброй, совком и ведром. Зрители расселись по местам. Бритоголовый шел к своему креслу под десятками взглядов, поминутно оглядываясь на Клару, уверенно орудовавшую шваброй. Несколькими движениями она собрала кока-колу и размякший попкорн в ведро, протерла место происшествия тряпкой и вышла, плотно прикрыв за собой дверь. Уже выходя, она заметила, что на экране пошли первые титры фильма.

– Что там? – поинтересовалась Лиза.

– Человек упал. Зацепился в темноте за что-то. Ужас! Кока-колу разлил, попкорн рассыпал.

Лиза покачала головой, а Клара продолжила возмущаться:

– Почему нельзя войти в зал вовремя? Пока горит свет. Почему все надо делать в последнюю минуту?

Она хотела добавить что-то о современных нравах и несовершенстве мира, но вспомнила, что ошибку допустил любитель фильмов Рикафена и промолчала. Лиза заперла входную дверь.

– Все! Можем отдохнуть. Следующий сеанс через сорок минут. В пятом зале. Пойду где-нибудь присяду. Ноги гудят.

Лиза вопросительно смотрела на Клару, ожидая, что со-

служивица присоединится к ней. Но Клара кивнула на дверь в зал номер три.

– Я найду. Хочу еще раз начало посмотреть. Там такие отношения, так все снято. Если кто-то будет искать, я сижу в первом ряду.

Лиза пошла в сторону буфета, а Клара приоткрыла тяжелую дверь и проскользнула в зал. Два десятка людей, сидящих в разных концах большого зала, не сводили глаз с экрана, на котором главный герой в исполнении Тиля Швайгера одевался, собираясь перебраться через Берлинскую стену.

Еле слышно ступая и не сводя глаз с экрана, Клара подошла к первому ряду и села, предвкушая, что сейчас она увидит сцену погони за героем восточногерманских пограничников, в результате которой он будет ранен и чудесным образом спасен прекрасной незнакомкой, которая останется в Восточном Берлине, окажется в застенках «Штази» и исчезнет из его жизни на долгие годы. А он будет искать ее, преодолевая все препятствия и даже пытаясь вернуться в ненавистный ему коммунистический Восточный Берлин. На глазах у Клары заранее появились слезы, хотя главный герой только садился в машину, чтобы отправиться на Муленштрассе. Она отчаянно завидовала всем этим людям, сидящим за ее спиной. Они смотрели фильм впервые и еще не знали, что произойдет буквально в следующую минуту.

Вот герой вышел из машины, накиннул на голову капюшон и пошел вдоль стены. Клара вцепилась пальцами в подлокот-

ник кресла, хотя прекрасно знала, что сейчас его заметят и начнется погоня.

Прозвучал первый выстрел. Пуля царапнула плечо. Крупный план раны. Герой пошатнулся, его рука взметнулась к небу. Глаза крупным планом. Он уже понял, что ему не перебраться через стену. Он хочет вернуться к машине, но звучит еще один выстрел. И еще. О господи, какие у него глаза! Все-таки Швайгер – гений. Не говоря уже о Рикафене. Клара не сводила глаз с экрана. Герой еще пытается бороться. Путь к машине отрезан. Значит, он должен добраться до стены. Герой рванулся вперед. Сцепил зубы и сжал кулаки. Он выполнит свой замысел!

– Хочу домой! Это плохое кино! Стреляют! В людей!

Крик раздался откуда-то сзади. Клара на мгновение замерла от возмущения, затем резко обернулась. Инвалид, сидевший в коляске, испуганно закрывал лицо руками и мотал головой. Его явно пугало то, что происходило на экране. Сопровождающий инвалида парень в спортивном костюме что-то шептал ему в самое ухо. Но инвалид продолжал мотать головой.

– Не хочу! – громко крикнул он. – Не хочу ждать. Плохое кино. Я боюсь.

Другие зрители начали проявлять нетерпение. Сначала они просто оборачивались на шумного инвалида, цокали и качали головой. Потом кто-то предложил молодому человеку вывезти инвалида из зала. Но молодой человек никак на

это не отреагировал. Клара взглянула на экран. Герой наконец встретился с героиней. Она схватила его за руку и потащила туда, где был известный только ей проход через стену. Господи, как она смотрит на него. А он, раненый, с трудом разбирает черты ее лица. Все мутно и неясно, кроме пронзительных голубых глаз. Это надо видеть! Это же Рикафен. Здесь столько полутонов. Во всех этих взглядах и прикосновениях. Здесь столько смысла. А все смотрят на этого безумного инвалида. Черт бы его побрал.

– Не хочу! – выкрикнул инвалид. – Плохое кино!

Ропот зрителей усилился. Сопровождавший инвалида молодой человек поспешно вскочил, натянул свою бейсболку и покатил коляску к выходу из зала. Инвалид кивал головой и повторял, как заведенный болванчик: «Да, да, да. Домой, домой». Клара вскочила с места и открыла перед ними дверь зала. Парень благодарно кивнул и вывез коляску в фойе. Клара с ужасом заметила, что с сиденья коляски на пол льется тонкая струйка. «Господи! – подумала она. – Да он обмочился, этот несчастный инвалид». Но протирать пол она будет после сеанса. Она не станет отвлекать почитателей Рикафена в такой важный момент. Клара плотно закрыла дверь, задернула черную занавеску и вернулась на место.

Героиня зажала платком простреленное плечо героя. Он держит ее за руку, касается ее губами. Сейчас они поцелуются. Сейчас. Сейчас. А потом она поможет ему перебраться через стену и будет арестована, а он окажется в новом ми-

ре, но не сможет выбросить из головы образ этой незнакомки. И будет стремиться назад, в мир, из которого бежал. Какие душевные муки будут его одолевать, какие страсти будут им владеть! Как повезло этим людям, что они смотрят этот фильм в первый раз!

Вот. Их губы все ближе и ближе. Сейчас. Еще секунда.

Грянул выстрел. Вскрикнула какая-то женщина. В первую секунду Клара даже не сообразила, что произошло. Какой выстрел? При чем тут выстрел? Они же целуются! Не было в этот момент никакого выстрела!

И тут же ее душу обуял леденящий ужас. Она поняла: стреляли не на экране, а в зале. Перепуганная Клара резко развернулась. В зале отчетливо запахло порохом. Люди в зале зашевелились, начали оборачиваться.

– Что такое? Что это было? – с истерическими нотками выкрикнул женский голос.

– Кто-то есть под креслами! – крикнул другой женский голос.

– Это выстрел. Включите свет.

Зрители вскочили с мест.

– Остановите фильм!

– Включите свет!

– Это выстрел! Кто стрелял?

– Это террорист. Сейчас нас всех убьют!

Клара поняла, что должна действовать. Она бросилась к выключателю и резким движением повернула его. В зале

вспыхнул свет. Кто-то из зрителей сидел, в ужасе вжавшись в кресло, кто-то стоял, но все оглядывались и оборачивались, пытаясь понять, что произошло. Клара обвела зал взглядом, и из ее груди вырвался громкий крик.

Молодой человек в темно-сером костюме, сидевший в последнем ряду, сполз со своего кресла, и только подлокотники удерживали его тело от падения. Пиджак молодого человека был расстегнут, а на груди, на нежно-голубой сорочке, расплылось большое кровавое пятно. Его голова лежала на плече, открытые глаза смотрели вдаль, ничего не видя. На полу валялась слетевшая с головы бейсболка с надписью: «“Русские ведомости” в Израиле».

Зрители бросились к выходу. В зал заглянула Лиза, привлеченная шумом и звуком выстрела.

– Вызови сюда директора! Срочно! Вызови полицию и «Скорую помощь». И никого не выпускай из кинотеатра.

– А что случилось?.. – начала Лиза, но Клара грозно махнула рукой, и напарница выскочила за дверь.

– Есть здесь врач? – крикнула Клара, бросаясь к последнему ряду. – Человек ранен.

Зрители на мгновение прервали свой дружный исход из зала, остановились и закричали:

– Врач!

– Нужен врач!

– Вызовите скорее врача!

– Есть здесь врач?

– Я врач!

Бритоголовый толстячок, на брюках и пиджаке которого все еще темнели следы пролитой кока-колы, выбирался со своего места в двадцать первом ряду. Он вышел в проход, разделяющий зал на две части, и встал во весь рост.

– Я врач! Правда, только косметолог, но у меня диплом...

– Какая разница? – крикнул кто-то из зрителей. – Осмотрите этого парня. Может быть, ему можно помочь.

Осторожно ступая по паркету, бритоголовый дошел до последнего ряда. Взял молодого человека за руку и попытался нащупать пульс, приподнял веко, попытался нащупать биение пульса на шее. Сгрудившиеся вокруг зрители молча наблюдали за его действиями. Наконец доктор тяжело вздохнул, повернулся и пожал плечами.

– Ему уже ничем не поможешь. Он мертв.

Глава 2

– Что за ерунда?! Что за глупая и нелепая ерунда?!

Заместитель начальника Следственного управления уголовной полиции Иерусалима полковник³ Габриэль Лейн поднял тяжелый взгляд на подчиненных. Во время доклада об убийстве в кинотеатре Сinемах, который делал руководитель оперативного отдела майор⁴ Моше Ригер, полковник прохаживался вдоль окон своего просторного кабинета на втором этаже Штаба иерусалимской полиции. Штаб состоял из нескольких зданий, обнесенных высокой стеной в иерусалимском районе, который назывался Русским подворьем. Из окон кабинета полковника была видна проходная у центрального въезда на территорию Штаба, часть узкой улицы Исраэля Зморы⁵ и купола собора Святой Троицы на площади Москвы.

Перемещения полковника по кабинету явно напрягали четверых мужчин и женщину, сидящих по одну сторону длинного стола для совещаний. Они внимательно наблюда-

---

³ Полковник – звание в полиции Израиля называется «Ницав-мишне» (иврит **הנשא-בצ"ל**), что примерно соответствует армейскому званию полковник.

⁴ Майор – звание в полиции Израиля называется «Рав-пакад» (иврит **דרקפ-בר**), что примерно соответствует армейскому званию майор.

⁵ Исраэль Змора – еврейский писатель, переводчик и издатель. Родился в Беэрабии в 1899 году. Скончался в Тель-Авиве в 1983 году.

ли за полковником Лейном, периодически переглядывались, словно задавая один другому немой вопрос: «Что это он мечется?» На десятом проходе вдоль окон полковник заметил эти удивленные взгляды и, выждав момент, когда докладчик замолчал, переводя дух, вернулся к своему столу. Он отодвинул кресло, но перед тем как сесть, поднял голову и задал вопрос о «глупой ерунде». Причина нервозности полковника прояснилась, и сидящие за столом мгновенно отвели взгляды, явно не желая на этот вопрос отвечать. Полковник выждал несколько секунд, сел в кресло и забросил лежащую перед ним авторучку в деревянный стакан с карандашами.

– Что за ерунда? – повторил он гораздо более спокойным тоном. – Стрелять в зале кинотеатра. Это же нелепо. Глупо. Можно ли придумать что-то более нерациональное?!

Полковник Габриэль Лейн больше всего на свете ценил порядок и рациональность. Он был убежден, что, если бы все люди придерживались установленных правил, на свете не было бы не только преступников, но и несчастных людей, все беды которых проистекают от нежелания рационально определять свои жизненные приоритеты. Эта убежденность делала полковника Лейна образцовым стражем порядка. Подчиненные души в нем не чаяли и называли между собой «комиссаром Габи». В этом прозвище, с одной стороны, было прямое указание на легендарных героев нашумевших итальянских фильмов, мужественно сражавшихся с всемогущей мафией, с другой – намек на то, что придет время, и именно

полковник Лейн возглавит всю полицию Израиля. Или как минимум Иерусалимский округ. Руководство также считало Габриэля Лейна прирожденным полицейским, родившимся сорок два года назад со свистком во рту и служебным жетоном офицера уголовной полиции в розовой ручке. Родные полковника с такой точкой зрения были согласны далеко не во всем. Семнадцатилетняя дочь полковника Алина после попытки отца составить для нее детальное расписание жизни начала называть его «неисправимым педантом и буквоедом», а бывшая жена Дана Лейн, вернувшая после развода девичью фамилию Шварц, – «занудой, способным испортить жизнь всем, кто его окружает».

Убийство в зале кинотеатра было в глазах полковника не просто тяжким преступлением, но и категорическим нарушением всех установленных правил, согласно которым убийства должны совершаться в безлюдных и желательно темных местах, а не в залах кинотеатров во время сеанса в присутствии двух десятков свидетелей.

Моше Ригер был единственным, кто не отвел глаза, а мужественно выдержал тяжелый взгляд шефа. Он работал с полковником Лейном почти два десятка лет и хорошо знал, что в общении с ним главное – терпение. Полковник вспылит, хлопнет ладонью по столу, но затем его аналитический ум разберется в ситуации и поведет его самого и всех, кто следует за ним, в верном направлении. Таким образом, задача подчиненного сводилась к тому, чтобы терпеливо выжи-

дать и не попасть под горячую руку. Ригер ответил полковнику не менее выразительным взглядом, который, казалось, говорил: «Ерунда это или не ерунда, но так оно было на самом деле. И как бы вы ни сердились, господин полковник, ничего изменить вы не сможете».

Многоопытный Ригер оказался прав. Через несколько секунд Габриэль Лейн шумно втянул воздух носом. Его мощная нижняя челюсть хищно шевельнулась, широкие скулы напряглись, а густые брови собрались над глубоко посаженными серыми глазами. Полковник откинулся на спинку кресла, кивнул и ворчливо проговорил:

– Хорошо. Что дальше?

– Директор кинотеатра, – Ригер заглянул в бумаги, – Хаим Гросс, был вызван в зал билетершей, – еще один взгляд в бумаги, – Лизой Зальцман. Гросс распорядился закрыть двери кинотеатра и никого не выпускать до приезда нашей группы.

– Это правильно, – одобрил Лейн. – Это он молодец. Группу, как я понимаю, возглавил ты, Рафи?

Старший инспектор оперативного отдела капитан⁶ Рафи Битон поднял глаза на полковника и, уловив движение его подбородка, раскрыл лежащую перед ним папку.

– Кинотеатр Сinемах расположен на углу улицы Царя Шауля⁷ и...

---

⁶ *Капитан* – звание в полиции Израиля называется «Пакад» (иврит פקדן), что примерно соответствует армейскому званию капитан.

⁷ *Царь Шауль* – в русской транскрипции «царь Саул». Первый единый еврей-

- Я знаю этот кинотеатр, – нетерпеливо перебил Лейн и махнул рукой, дескать, не теряй время на пустяки.
- Капитан Битон перевернул лист в своей папке.
- Мы осмотрели зал кинотеатра номер три и фойе, – сказал он строгим, протокольным тоном. – Переписали данные зрителей и попросили каждого отметить на плане зала места, которые они занимали во время демонстрации фильма.
- Сколько зрителей было в зале?
- Девятнадцать. – Битон помедлил и добавил: – Кроме убитого, конечно.
- Немного, – мрачно констатировал Лейн.
- Немного, – согласился Битон и объяснил, подняв глаза на полковника: – Но это понятно, господин полковник. Дневной сеанс. Будний день.
- Да и фильм! – вмешался Моше Ригер.
- А что с фильмом? – оживился Лейн. – Что за фильм?
- «Прекрасная дама мистера Крауна», – ответил Ригер, улыбаясь кривой улыбкой, которая лучше любых слов демонстрировала его отношение и к фильму, и к его создателю.
- А-а-а, Рикафен, – понимающе кивнул Лейн.
- Он самый, – судя по тону Моше Ригера, его удивлял только тот факт, что девятнадцать человек все-таки пришли посмотреть фильм. – Нудная мелодрама. Я пробовал смотреть. Заснул через четверть часа.

За столом засмеялись. Улыбнулся и Лейн.

– А моя бывшая жена находила в Рикафене какие-то скрытые смыслы, – сказал он. – Даже называла его фильмы завораживающими.

Моше Ригер знал историю развода полковника, был знаком с его бывшей женой, но развивать эту тему при подчиненных считал неправильным.

– Ну, я не знаю, – отмахнулся он. – Наверное, кому как. Меня такое кино не завораживает.

– Ладно. – Лейн стер улыбку с лица и повернулся к Рафи Битону. – Что дальше? Личность убитого установили?

– Установили. Это было не сложно. У него в кармане был бумажник со всеми документами. – Капитан Битон вздохнул, и по этому вздоху полковник Лейн понял, что сейчас услышит нечто неожиданное.

– Кто же он?

– Он русский. Журналист из Москвы. Корреспондент газеты «Русские ведомости» Антон Го-ло-ва-нов, – Битон по слогам выговорил иноземную фамилию. – В бумажнике были его журналистское удостоверение и бумага о том, что он направляется в командировку в Израиль. Прилетел он два дня назад прямым рейсом из Москвы. Обратный билет – на ближайший четверг.

– То есть в Израиле он должен был провести три дня?

– Вроде бы так. – Моше Ригер поднял глаза на коллег, словно спрашивая: «А какой сегодня день?»

– Так, так, – подтвердил Рафи Битон. – Он прилетел в понедельник. Во вторник его убили. Сегодня у нас среда. Завтра утром он должен был вернуться в Москву.

– С документами все ясно, – прервал подсчет дней полковник. – А что с его телефоном?

– Телефон тоже нашли. Он был в кармане пиджака, – отчитался Битон. – Есть несколько звонков, сделанных уже после прилета в Тель-Авив. Сейчас мы устанавливаем, кому принадлежат номера.

– Почему так долго? – нахмурился Лейн, и в его голосе прорезались резкие командные нотки. – Почти сутки прошли после убийства.

На лице Рафи Битона появилось недовольное выражение. Он был опытным следователем, старался не допускать ни волокиты, ни ошибок, а любые замечания считал придириками, необходимыми вышестоящему начальству для демонстрации собственной значимости.

– Не сразу вошли в телефон, – сказал он с тем выражением, с каким учитель объясняет первоклассникам прописные истины. – Он был закрыт паролем. Надо было получать разрешение прокуратуры на его взлом.

При этом Рафи Битон выразительно пожал плечами, словно говоря: «Вы же знаете этих бюрократов».

– Понятно. – Полковник перевел взгляд на майора Ригера: – Российское посольство оповестили?

– Конечно, – кивнул Ригер. – Они просили держать их в

курсе дела и сообщать обо всех деталях расследования. Хотят прислать своего человека для получения всей информации.

– Пусть присылают, – согласился полковник. – Только не сегодня. И не завтра. Пусть дадут нам хотя бы пару дней.

– Я перезвоню консулу, – сказал Ригер. – Но вряд ли они согласятся ждать два дня.

Полковник оглядел всех сидящих за столом, будто хотел убедиться, что все готовы к продолжению разговора.

– А теперь скажите мне, дорогие коллеги, как в зале кинотеатра можно выстрелить в человека, сидящего в последнем ряду? Ведь убийца должен привстать, – полковник привстал, копируя предполагаемые действия убийцы, – и развернуться в направлении выстрела. – Полковник развернул свое вращающееся кресло и закончил фразу: – Значит, с большой долей вероятности его должны были заметить. Убийца сильно рисковал. Но пошел на этот риск. Почему?

Рафи Битон, к которому был обращен этот вопрос, мгновение помедлил, затем достал из папки копию плана зрительного зала.

– Как вы видите, господин полковник, зал разделен на две части широким проходом, который упирается в последний, двадцать четвертый ряд. Этот последний ряд тянется через весь зал. Убитый сидел в самом центре, занимая место номер шестнадцать. Значит, любой человек, сидящий у прохода, мог выстрелить в него, не поднимаясь и даже не оборачива-

ьясь. А просто просунув одну руку под мышку другой. А это почти незаметно для окружающих. Если, конечно, учесть, что зрителей в зале было совсем немного, они сидели далеко друг от друга и все были увлечены фильмом.

– Видишь, Моше, – улыбнулся полковник. – Рафи тоже считает, что фильмом Рикафена можно увлечься.

Напряженно следивший за диалогом Моше Ригер не принял шутку.

– Во-первых, на фильмы Рикафена приходят те, кто ими увлекается, – серьезно сказал он, – а во-вторых, начало там действительно ничего. Побег через стену. Встреча с незнакомкой. Потом начинается... – Ригер помедлил, подбирая слово, – вся эта философия.

– Понятно. – Лейн повернулся к майору Битону: – Получается, Рафи, ты сократил число подозреваемых?

– Именно так, – горячо закивал Битон. – До пяти человек. Именно столько сидело у прохода.

– Но тогда, – Лейн взял со стола авторучку и, держа ее как пистолет, завел правую руку под мышку левой, моделируя объяснение Битона, – тогда убийце пришлось бы стрелять не целясь. Так?

– Да, – согласился следователь. – Именно так мы и предположили.

– Но это... – Полковник развел руками, широко улыбнулся и откинулся на спинку кресла. – Это просто ковбой какой-то. Стреляет не целясь.

– Выстрел сложный. – Моше Ригер пришел на помощь капитану Битону. – Но вполне возможный.

Моше Ригер тоже решил поучаствовать в эксперименте. Он развернулся вполоборота, просунул правую руку под мышку левой руки и взглянул на полковника, словно говоря: «Ну вот как-то так?»

– Как вариант, такой выстрел возможен, – кивнул Лейн, наблюдая за манипуляциями Ригера. – Но почему так сложно? Почему убийце нужно было стрелять именно в зале кинотеатра? Почему не на улице, не в подворотне, не на подходе к гостинице, не в гостиничном номере, в конце концов? Ведь он мог просто подняться в номер этого журналиста, постучать в дверь и выстрелить, когда тот откроет. Прицелившись. Не засовывая руку под мышку. Почему так сложно?

Полковник еще раз выкрутил руки и довольно точно скопировал позу Ригера. Тот недовольно нахмурился и развернул кресло к столу.

– Пока мы этого не знаем. Но если сумеем вычислить убийцу, он нам эту ситуацию прояснит.

Полковник Лейн еще раз шумно втянул носом воздух. Он явно был недоволен этим ответом. Как и всем ходом расследования, которое, по его мнению, продвигалось крайне медленно.

– Может, он вообще никого не хотел убивать.

Произнесший эту фразу молодой лейтенант⁸ Эльдад Канц

---

⁸ *Лейтенант* – звание в полиции Израиля называется «Мефакеах-миш-

с вызовом взглянул на полковника, потом поочередно перевел взгляд на майора Ригера и на своего непосредственного начальника Рафи Битона. Габриэль Лейн навалился грудью на стол и поднял тяжелый взгляд на молодого человека. Под этим взглядом лейтенант покраснел так густо, что полковник не выдержал и улыбнулся.

– Поясни свою мысль, Эльдад.

– Может быть, этот стрелок не хотел никого убивать. Он выстрелил просто так. Чтобы напугать людей в зале.

По лицу полковника мелькнула легкая тень. Выстрел «просто так» явно не вписывался в его систему понятий и правил. Заметив недовольство начальства, молодой человек заговорил горячее и напористее:

– Сколько сейчас сумасшедших! Зайдите в любую социальную сеть! Сколько людей готовы на все, лишь бы шокировать или испугать окружающих! Какой-нибудь очередной идиот взял пистолет, чтобы выстрелить в темном зале и вызвать панику. Он снимет все это на телефон, выложит в интернет, получит миллионы просмотров и станет знаменитым на день-два. Но ему не повезло. Он просто стрелял наугад. Завел руку за спину и нажал на курок. Но не обратил внимания на то, что в последнем ряду кто-то сидит. Выпущенная пуля попала в человека. Случайно.

Лейн переглянулся с Ригером. Тот пожал плечами. Де-

не» (иврит **הנשמ-הקרב**), что примерно соответствует армейскому званию лейтенант.

скать, все может быть в нашем сегодняшнем безумном мире. Полковник перевел взгляд на Битона. Тот помедлил, но тоже кивнул.

– Если это так, – произнес полковник, переводя взгляд на молодого лейтенанта, – то наша задача еще более усложняется. Значит, мы не сможем вычислить убийцу, исходя из принципа «кому это выгодно». В любом случае спасибо, Эльдад. Мы будем иметь в виду твою версию.

Молодой человек опять покраснел, на этот раз от удовольствия, и окинул победным взглядом соседей по столу.

– Кстати, эта версия Эльдада кое-что объясняет, – задумчиво проговорил капитан Битон. – Например, почему убийца застрелил жертву именно в зале кинотеатра. Мы строим догадки, пытаемся понять, что произошло, просчитать ход мыслей преступника. А он просто решил попугать людей. Это первое. Второе. Эта версия объясняет, почему он стрелял не целясь. Если убийца не хотел попасть в какую-то определенную цель, то просто достал пистолет, засунул руку под мышку и нажал на курок. И случайно попал. Но...

Битон сделал паузу. Никто за столом не произнес ни слова, понимая, что следователь намерен продолжить свое выступление.

– Но даже если это так, – продолжил Битон, – то произвести такой выстрел в направлении последнего ряда и остаться незамеченным все равно мог только тот, кто сидел у самого прохода.

– То есть эти самые пять человек? – уточнил полковник. – Кто же они, эти люди?

Битон вновь раскрыл свою папку и достал несколько листов.

– Один из них Шломо Зак. Двадцать шесть лет. Механик завода пищевых добавок в Модиине⁹. Пришел в кино, потому что у него в этот день был выходной. Занимал место пятнадцать в семнадцатом ряду. Второй подозреваемый Мартин Тверис. Тридцать четыре года. Сотрудник Государственной библиотеки. Его отпустили с работы пораньше, и он решил сходить в кино. Занимал место шестнадцать в десятом ряду. Третий – Пинхас Пастер. Пятьдесят четыре года. Профессор биологии Института имени Вейцмана. Место пятнадцать в девятнадцатом ряду.

– Профессор Пастер? – перебил полковник.

Битон оторвался от бумаг.

– Вы его знаете, господин полковник?

– Познакомились несколько лет назад. И даже как-то ужинали вместе. Меня познакомила с ним бывшая жена. Она подруга детства супруги Пастера.

– Супруга Пастера тоже была в кинотеатре. Сидела рядом с мужем на месте номер четырнадцать. – Битон заглянул в бумаги. – Ее зовут Сабина.

Битон взглянул на Лейна. Тот кивнул.

---

⁹ *Модшин* – город в Центральном округе Израиля на примерно одинаковом удалении от Иерусалима и от Тель-Авива.

– Точно. Сабина Пастер.

– Ей тридцать девять лет. Она нигде не работает. Домохозяйка, – продолжил Битон. – Четвертый человек. Хелена Барски. Недавно приехала из России. Тоже не работает, получает «корзину абсорбции». Занимала место шестнадцать в пятнадцатом ряду. Пятый – это Симха Табак. Наш коллега. Бывший сотрудник дорожной полиции. Ныне на пенсии. Занимал место шестнадцать в восьмом ряду.

Рафи Битон захлопнул папку. Полковник отметил названные места на лежащем перед ним плане зале и поднял голову.

– Что с оружием?

– Пистолет, из которого стрелял убийца, нашли.

– И пистолет нашли? – проворчал полковник, словно был недоволен этим фактом. – Все к нашим услугам. Вот вам документы убитого, вот вам его телефон, вот вам пистолет. Интересно получается.

Битон бросил выразительный взгляд на Ригера. Тот округлил глаза. Дескать, молчи. Сейчас все войдет в свою колею. И действительно, полковник прикрыл на мгновение глаза, перевел дыхание и спросил:

– И что это за пистолет?

Битон вытащил из папки еще один листок с прикрепленной к нему фотографией и протянул Лейну. Тот внимательно рассмотрел снимок.

– Что это за пистолетик? Erika?

– Нет, господин полковник. Erika по сравнению с этим

оружием может считаться пушкой, – улыбнулся Битон. – Это Kolibri.

Полковник поднес фотографию к глазам.

– В первый раз вижу такое чудо. Что это за пистолет? – Он поднял глаза на Моше Ригера, который считался в управлении специалистом по оружию.

– Kolibri, – произнес Ригер голосом экскурсовода, ведущего туристов по залам музея, – самый маленький из известных пистолетов. Калибр два и семь десятых миллиметра.

– Сколько? – перебил полковник. – Два и семь десятых? Что же это за пуля? И кого можно ею убить?

– Убойная сила, конечно, не очень велика, – продолжил Ригер. – Но с расстояния до пяти метров бьет не хуже «Магнума» сорок пятого калибра. Пистолет простенький, со свободным затвором. В магазине пять патронов. Изначально разрабатывался во время Первой мировой войны в Австро-Венгрии как средство самозащиты для женщин. Сегодня интересен разве что коллекционерам. Как средство самозащиты газовые баллончики проще и надежнее. Купить его можно на аукционах. Стоит он, – Ригер помедлил, – от полутора до двух с половиной тысяч евро.

– Какая длина этого чуда?

– Около семи сантиметров. А весит он чуть больше двухсот граммов.

– Семь сантиметров? – полковник расставил большой и указательный пальцы правой руки, пытаясь представить раз-

мер пистолета. – Его же можно спрятать в жилетный карман.

– Для того его и создавали, – назидательно произнес Ригер. – Чтобы носить в кармане. Или в женской сумочке.

Полковник кивнул и повернулся к единственной женщине за столом, руководителю научно-технического отдела Адине Бар. Эффектная брюнетка с узким аристократическим лицом и тонким носом была одета в подогнанную по фигуре форменную светло-голубую рубашку с погонами старшего лейтенанта¹⁰.

– А что говорит наука?

Адина Бар сдержанно улыбнулась, словно говоря: «Ну вот, наконец мы добрались до самого главного», и раскрыла лежащую перед ней папку.

– Пистолет исправный, в рабочем состоянии, смазанный и чистый. Его проверили и отстреляли. – Она переложила бумаги в папку. – Пуля, извлеченная из тела убитого, была выпущена из него. Отпечатков, пригодных для идентификации, нет ни на рукоятке, ни на стволе. По всей видимости, убийца протер пистолет. Баллистическую экспертизу уже начали. Результаты будут к концу дня.

Адина Бар протянула полковнику отпечатанный лист. Лейн взял его, коротко взглянул, кивнул и положил на стол.

– Это все, Адина?

---

¹⁰ *Старший лейтенант* – звание в полиции Израиля называется «Мефаках» (*иврит* מפקח). В данном случае, так как речь идет о женщине, «Мефакахат» (*иврит* מפקחת), примерно соответствует армейскому званию старший лейтенант.

– Пока все, господин полковник. – Адина Бар закрыла папку, лежащую перед ней, и подняла глаза. – Но мы работаем. Анализируем данные, полученные с камер наружного наблюдения, установленных в кинотеатре. Данные также представим сегодня.

– Спасибо, – полковник кивнул Адине и повернулся к Рафи Битону. – Где нашли пистолет?

Капитан Битон засуетился, запутался в бумагах и наконец протянул полковнику план зала.

– Под сиденьем восьмого ряда. На плане место отмечено.

Полковник взглянул на план.

– Но пистолет нашли не около прохода.

На лице Рафи Битона появилась легкая усмешка. Дескать, неужели господин полковник считал, что убийца оставит пистолет под креслом, на котором сидел?

– Мы полагаем, что после выстрела убийца выбросил пистолет. Положил его на пол и толкнул ногой. Такой малыш мог прокатиться по гладкому полу довольно далеко. В общем шуме этого никто не услышал.

Полковник кивнул и перевел взгляд на самого пожилого участника совещания, седовласого мужчину в строгом синем костюме.

– Что скажете вы, доктор?

Судебно-медицинский эксперт Реувен Хирш заглянул в лежащие перед ним бумаги.

– Смерть наступила почти мгновенно. Пуля попала в серд-

це, пробила правое предсердие и верхнюю полую вену, вызвав активное внутреннее кровотечение, затем пробила правое легкое и застряла в ребре. Следов пороховых газов и частичек пороха нет ни на коже, ни на одежде. То есть выстрел произведен не в упор. По моей оценке, стреляли с расстояния от трех до четырех метров.

– От трех до четырех метров, – задумчиво произнес полковник и кивнул Рафи Битону. – Кто у нас сидел на таком расстоянии от жертвы?

Капитан, торопясь, разобрал лежащие перед ним бумаги.

– Профессор Пастер сидел в девятнадцатом ряду. Механик Шломо Зак – в семнадцатом. Хелена Барски – в пятнадцатом. Эти трое – в пределах четырех-пяти метров. Симха Табак в восьмом ряду и Мартин Тверис – в десятом. Но эти, пожалуй, подальше, чем четыре метра от двадцать четвертого ряда.

Битон оторвался от своих бумаг и продолжил:

– Господин полковник, если исходить из положения пистолета, который лежал слева от прохода, если стоять спиной к двери в зал, то я полагаю, что выбросил его кто-то из тех, кто сидел по ту же сторону от прохода.

Следователь оглянулся на майора Ригера, явно надеясь найти у него поддержку. Ригер мгновение помедлил и кивнул:

– Согласен.

Полковник опустил глаза на план зала.

– То есть вы сократили число подозреваемых до двух? – сказал Лейн, и в его голосе прозвучали нотки недоверия. Неужели так быстро число подозреваемых сократилось до минимума?

– Получается, так, – кивнул Моше Ригер и оглядел сидящих за столом, словно приглашая всех участников совещания поддержать его. – Основными подозреваемыми становятся этот ученый Пинхас Пастер и механик завода в Модине Шломо Зак.

По лицу полковника скользнула тень сомнения. Он повернулся к Адине Бар:

– Баллистическая экспертиза прояснит эту ситуацию?

Адина мгновение помедлила.

– Все подозреваемые находились достаточно близко друг от друга, но... Думаю, прояснит... С определенной погрешностью, конечно.

– Надеюсь, погрешность не будет слишком велика, – буркнул полковник и обратился к Битону: – Нам нужно как можно скорее побеседовать с этой парочкой.

– Может быть, задержать их? – предложил Моше Ригер. – На семьдесят два часа. До предъявления обвинения.

– Не торопись, – полковник предостерегающе поднял вверх палец. – Никуда они не денутся, Моше. Нам нужны прямые доказательства, а не догадки и косвенные улики.

– Простите, господа, – подал голос судебно-медицинский эксперт, – но я не закончил свой доклад.

Все повернулись к нему как по команде.

– Это я виноват, доктор, – сказал полковник и опустил голову, словно сорванец, разбивший окно футбольным мячом. – Я всех отвлек и увел разговор в другую сторону. Простите.

– На нижней губе убитого с правой стороны есть небольшая ранка. – Реувен Хирш обвел взглядом офицеров, словно подчеркивая, какую важную информацию они не дослушали. – Вероятно, от удара твердым предметом. Но зубы под рассеченной губой не повреждены. Это дает право утверждать, что удар был не очень сильным. Больше никаких отметин, повреждений, ударов, порезов и прочего на теле нет.

– Интересно, – полковник уважительно взглянул на доктора Хирша и уточнил: – Этим твердым предметом может быть кулак?

Эксперт мгновение помедлил, затем кивнул.

– Может быть и кулак. Более того, так как зубы не повреждены, это скорее всего кулак. Более серьезное оружие типа биты, молотка, кастета, скорее всего, повредило бы и зубы.

Полковник Лейн выразительно взглянул на Ригера, и тот сделал пометку в своем блокноте.

– Что-нибудь еще, доктор?

Реувен Хирш заглянул в свои бумаги.

– Желудок убитого был пуст. Пища переварена. То есть перед тем, как отправиться в кино, он не пообедал. – Доктор развел руками. – Если вам это интересно.

– Интересно, Реувен, еще как интересно, – оживился Моше Ригер и обратился к полковнику Лейну: – Сеанс начался в половине третьего. Закончиться должен был в четыре. Поздновато для обеда.

– Поздновато, – согласился полковник. – Но не советую делать из этого далекоидущие выводы. Мало ли что может быть? Этот журналист мог сидеть на диете.

– Мог, – произнес Ригер с интонацией, которая говорила о том, что он не верит ни в какую диету. – А мог не пообедать по какой-то причине. Ну, например, важная встреча.

– На важных встречах тоже подают бутерброды, – улыбнулся полковник Лейн. – И очень вкусные.

Майор Ригер усмотрел в этой реплике намек на недавнюю встречу с коллегами из Европола, на которой полковник с улыбкой наблюдал, как майор поглощает бутерброды с дефицитной черной икрой, и обиженно нахмурился.

– Бывают встречи, на которых ничего не подают, – буркнул он.

– Бывают, – миролюбиво согласился полковник. – Нам в любом случае придется установить, кто этот журналист, к кому и для чего он приехал в Израиль.

– Установим. – Моше Ригер бросил выразительный взгляд на Эльдада Канца, и тот что-то аккуратно записал в блокнот.

Полковник Лейн положил на стол тяжелые ладони и медленно оглядел всех сидящих за столом.

– У меня к вам еще один вопрос, коллеги. – Он сделал

паузу, вероятно стремясь подчеркнуть важность того, о чем собирался спросить. – Вы беседовали со всеми зрителями, которые были в зале в момент убийства. Неужели никто из них не понял, откуда раздался выстрел?

Ригер перевел взгляд на Битона, тот кивнул на лейтенанта Канца.

– У нас всех зрителей опрашивал Эльдад.

– Да, конечно. – Лейтенант вскочил, но, повинуясь знаку полковника, сел на место. – Этот вопрос я задал всем, кто был в зале. Но точного ответа так и не получил. Уж очень неожиданно все произошло. Те, кто сидел в первых рядах, говорили, что звук выстрела шел откуда-то сзади. Но справа или слева от них, непонятно. Кто-то говорит, справа от прохода, кто-то – слева. Те, кто сидел в задних рядах, – лейтенант заметил быстрый взгляд полковника, брошенный на него, и пояснил: – после двенадцатого ряда, говорят, что выстрел прозвучал совсем рядом. И вновь ничего точного. Кто-то говорит, из одного конца зала, кто-то – из другого.

– Это понятно, – поддержал молодого лейтенанта доктор Хирш. – Зал небольшой, звук выстрела моментально отразился от стен. И многие слышали не сам выстрел, а его отзвук. Если хотите, эхо. Те, кто слышал звук выстрела, будут утверждать, что он шел с одной стороны, те, кто слышал эхо, будут говорить – с другой.

Полковник выслушал это объяснение, коротко кивнул, собрал лежащие перед ним бумаги и протянул их Ригеру.

– Спасибо всем и все свободны. Работайте!

Майор Ригер наскоро сгреб бумаги в свою папку и первым поднялся с места. За ним поднялись остальные.

– Адина, – сказал полковник.

Эксперт остановилась у самой двери.

– Слушаю, господин полковник.

– Поторопись с баллистической экспертизой. Думаю, она расставит все по своим местам.

Полковник взглянул на Рафи Битона. Руководитель следственной группы поймал взгляд Лейна и кивнул. Дескать, экспертиза расставит все по своим местам, господин полковник, не сомневайтесь, расставит.

– Слушаюсь, господин полковник. – Адина Бар кивнула. – Мы поторопимся.

Глава 3

Проходя мимо стола, у которого собирали свои бумаги прокурорские, Дана ясно услышала слова «рыжая сучка» и поняла, что они относятся к ней. Дана замедлила шаг, бросила гневный взгляд на двух копошащихся у стола мужчин среднего возраста. Один из них, незнакомый, с тонкими пижонскими усиками, который и произнес эти слова, вскинул голову, заметил ее взгляд, понял, что она все слышала, и виновато потупился. Другой, старший советник прокуратуры Иерусалима Даниэль Хесин, в массивных профессорских очках, тоже оторвался от своих бумаг, смутился, растянул тонкие губы в натянутой улыбке и буркнул:

– Поздравляю, госпожа Лейн!

Почему он назвал ее «госпожа Лейн»? Не знает, что они с Габи разошлись? Знает, конечно. Два месяца назад об этом болтали во всех адвокатских конторах Иерусалима и уж конечно обсуждали в прокуратуре. Такая пара! Такая любовь! И все так бесславно закончилось. Не мог любопытный и вечно сующий нос во все дела Хесин этого не слышать. Почему же «госпожа Лейн»? Что он хотел этим сказать? Что она выиграла дело благодаря своим связям в полиции? Нет, господин Хесин. Она выиграла это дело благодаря своей смекалке и умению доводить любое расследование до конца. Дана думала о себе в третьем лице, и это придавало ее мыслям

видимость объективности. Хотя, если быть абсолютно честной, Хесин все понял правильно. Он не дурак, этот старший советник. Дана действительно (хоть и самую малость) воспользовалась связями в полиции, которыми обзавелась, пока была госпожой Лейн. Она позвонила Адине Бар и просила сделать анализ земли с шин велосипеда потерпевшего и сравнить ее с землей из столичного парка. И Адина сказала: «Конечно, дорогая!» И сделала все за пару часов.

Дана презрительно скривила носик, элегантно жестом откинула назад копну темно-медных волос, зная, что они красиво заструились по спине, величественно кивнула и пошла дальше, ощущая всей спиной взгляды прокурорских. «Конечно, сучка, – усмехнулась она. – Еще какая сучка. А вам, ребята, надо было лучше делать свое дело. Не сидеть на месте, считая, что победа уже в кармане, а поднять свои прокурорские задницы и поискать улики. Тогда вы не выглядели бы сейчас как побитые собаки».

У самой двери Дана услышала голос своего подзащитного. Идиота, которого она только что спасла от как минимум восемнадцати месяцев тюрьмы. Дана обернулась. Так и есть. Идиот бежал за ней, поддерживая обеими руками прыгающий животик. За ним семенила ножками его мамаша, похожая в своем старомодном темном костюме и замшевом шляпендроне на злую ведьму Бастинду из любимой с детства сказки о волшебнике Изумрудного города. Дана толкнула высокую дверь зала, но та, тяжелая, как самосвал, сдви-

нулась всего на несколько сантиметров. Толстенная папка с делом в руках и сползающая с плеча сумочка отнюдь не помогли разобраться с этой огромной дверью. Идиот подскочил, схватился двумя руками за деревянную полированную ручку и, налегая всем телом, распахнул украшенную деревянными изразцами створку.

– Прошу вас, госпожа Шварц!

Дана вышла и величественно кивнула.

– Благодарю вас, Эмиль.

– Позвольте вашу папку. Я помогу вам.

Всем своим видом идиот демонстрировал готовность помочь ей сейчас и продолжать помогать всегда и везде, во все мгновения ее дальнейшей жизни. Но Дана мило улыбнулась и отказалась от помощи. Не хватало, чтобы он увязался за ней до машины.

Перебросив папку в левую руку, Дана положила ладонь правой на мраморные перила широкой лестницы, но начать спускаться не удалось. Старушка в замшевой шляпке вцепилась ей в руку цепкими пальцами и горячо зашептала, задыхаясь то ли от одышки, то ли от нахлынувших эмоций:

– Спасибо вам, госпожа Шварц! Я никогда не забуду того, что вы сделали для моего сына! Вы наша спасительница! Вы спасли жизнь всей нашей семье! Вы наш ангел-хранитель, и я всегда буду просить Господа о вашем здоровье и благополучии! Я навсегда...

Только этого ей не хватало. Чтобы эта сказочная старуш-

ка беспокоила Господа такими пустяками, как здоровье адвоката Даны Шварц. Да и роль ангела-хранителя ей не подходит. Никого она не собирается хранить. Кроме родителей и дочери, разумеется.

– Спасибо вам, госпожа Фишер, – сказала Дана, чтобы прекратить этот поток славословий. Но остановить старушку в старомодной шляпке было не так просто.

– Спасибо! О, спасибо вам, госпожа Шварц! Недаром мне говорили, что вы лучший адвокат Иерусалима!

Дана ответила на рукопожатие и постаралась остаться невозмутимой. Но губы сами собой расплылись в улыбке. «Лучший адвокат Иерусалима». Ради такого заявления стоило взяться за это дело, которое ей не нравилось с самого начала...

...Взять это дело Дану уговорил ее шеф, руководитель конторы «Кан, Даммер и Эбель» Велвел Даммер. Он поймал Дану у лифта, когда та собиралась отправиться на обед, и попросил «заглянуть к нему на пару минут». Дана вошла в кабинет шефа с видом на Стену Плача¹¹ и башню Давида¹². Этот вид был предметом тайной зависти Даны и сти-

---

¹¹ *Стена Плача* – главная святыня иудаизма. Западная стена внешнего ограждения иудейского Храма, стоящего на этом месте от 516 года до нашей эры до 70 года нашей эры, когда Храм был разрушен и сожжен римскими легионами, ворвавшимися в Иерусалим.

¹² *Башня Давида* – древняя цитадель, построенная во II веке до нашей эры недалеко от Яффских ворот Старого города Иерусалима. Многократно разрушалась и восстанавливалась захватчиками Иерусалима.

мулом для продвижения по карьерной лестнице. Когда-нибудь она станет именным партнером компании и получит кабинет, выходящий на эту сторону. Она поставит на балконе стол и будет готовиться к процессам, обозревая не аллеи парка Тэдди¹³, забитые в любое время велосипедистами и толстяками, бегущими трусцой, не новостройки развивающихся районов, а древнюю святыню и копошащихся у ее подножия людей. Мечтая о грядущих успехах, она устроилась в огромном кресле, обтянутом синим бархатом. Шеф мнил себя приверженцем «стиля царей Израиля» и мебель предпочитал старинную и тяжелую, которую, по выражению его водителя Боаза, «не сдвинуть и бульдозером».

– Понимаешь, – начал шеф, и Дана сразу поняла, что речь пойдет о чем-то очень личном. Уж слишком напряжен и взволнован обычно спокойный Велвел Даммер. – Я вел это дело сам, но прокуратура выяснила, что обвиняемый, этот самый Эмиль Фишер, мой родственник. – Даммер махнул рукой, словно отмахивался от обвинений в конфликте интересов, и добавил: – Дальний. Даже очень. Наши бабушки какие-то там сестры. Но прокуратура подняла шум. Дело взяла под личный контроль эта очкастая скотина Хесин. Он не упустит случая уколоть меня. Судья не требовала моего отстранения, но ты же понимаешь. – Шеф поднял глаза на Да-

---

¹³ *Парк Тэдди* – парк в Иерусалиме, названный в честь легендарного мэра Иерусалима Тэдди Колека, возглавлявшего муниципалитет столицы Израиля с 1965 по 1993 год.

ну, и она кивнула. – Зачем нам подставляться? Поэтому я откажусь от дела и отправлю в прокуратуру официальное письмо. Но мне бы хотелось, чтобы дело продолжила ты.

Шеф замолчал, очевидно ожидая ее реакции. Дана собрала всю волю в кулак и не проронила ни слова. Может ли быть что-то хуже для адвоката, чем продолжать дело, начатое коллегой? «Конечно, может, – подумала Дана. – Еще хуже продолжать дело, начатое шефом». Кроме того, она еще не получила всей информации для принятия решения, хотя личная просьба Даммера, да еще и высказанная таким проникновенным тоном, оставляла ей очень узкое поле для отказа.

– Ему грозит реальный срок, – продолжил шеф после недолгой паузы. – Мне бы не хотелось, чтобы он оказался за решеткой. Его мама этого не переживет. Ей 76 лет, и она опекает его, как пятилетнего. – Даммер выдержал еще одну паузу и добавил: – Они живут вдвоем. Он разведен.

– А сколько ему лет? – спросила Дана, хотя по возрасту матери все подсчитала сама. Должно быть около пятидесяти.

– Сорок семь, – подтвердил ее подсчет шеф. – Он поздний ребенок. От второго брака.

– У него есть дети?

– Да. Семнадцатилетний сын. Живет с матерью в Дюссельдорфе. Эмиль развелся с женой восемь лет назад. Развод был шумный. Они делили все, что было в доме. Вплоть до тарелок. А если тарелок было нечетное число, то оставшуюся неразделенной Эмиль собственноручно разбивал. Он из тех

людей... – Даммер поморщился, смущенно пожал плечами и покрутил пальцами, – которые точно определяют свои интересы и готовы отстаивать их любыми средствами. Всегда и везде. Знаешь...

– Знаю, – кивнула Дана. – Такие люди постоянно задают один вопрос. Почему? Почему кто-то должен получить лишнюю тарелку? Почему я должен уступить? Почему мной должны помыкать? Почему именно мне надо идти на компромисс? Почему кто-то должен пройти передо мной без очереди? Почему кто-то, а не я, должен получить какие-то льготы?

– Именно так. – Даммер кивнул и поднял вверх палец.

«Похоже, его родственник – законченный идиот», – решила Дана. Но отказаться от дела... Как? Под каким предлогом? Ей очень не хотелось обижать Велвела, которого она искренне уважала и называла учителем.

– А что этот твой Эмиль натворил?

Даммер раскрыл лежащую перед ним папку и тяжело вздохнул. «Он расстроен. Причем искренне, – подумала Дана. – Значит, речь идет не о пустяковой ссоре между соседями».

– Если говорить коротко, он нанес тяжкие телесные повреждения.

Дана вскинула голову. Вот уж чего она никак не могла ожидать от любителя собственных прав Эмиля Фишера.

– Драка? Удар ножом? – попыталась угадать Дана.

– Нет. – Губы Даммера скривились, демонстрируя, что такого с Эмилом Фишером произойти никак не могло. – Он ударил ногой по заднему колесу электровелосипеда, который ехал по тротуару на улице Царя Хизкиягу.¹⁴ – Даммер сделал паузу и добавил, будто предваряя следующий вопрос Даны: – Ударил умышленно. Согласно показаниям свидетеля обвинения, подбежал и нанес удар.

Заметив удивленный взгляд Даны, шеф поспешил объяснить:

– Улица Царя Хизкиягу – это тихий спальный район. И такое глупое происшествие. На велосипеде ехал девятнадцатилетний парень, – Даммер заглянул в лежащую перед ним записную книжку, – Леон Цимбер. Ехал по тротуару. – Даммер оторвался от записей и произнес, выделяя интонацией каждое слово: – В нарушение действующего законодательства.

«А твой родственник, конечно, подумал: “Почему кто-то должен ехать по тротуару, нарушать мои законные права и подвергать меня опасности?”» – усмехнулась Дана.

Даммер бросил короткий взгляд на Дану, но, так и не поняв причину ее усмешки, продолжил:

– После удара по колесу велосипед занесло, и Леон Цимбер упал. При этом получил множественные ушибы. Сломал руку. Хорошо, что был в каске. Иначе последствия могли

---

¹⁴ *Царь Хизкиягу* – тринадцатый царь Иудейского царства. Правил с 729 года до нашей эры до примерно 687 года до нашей эры.

быть гораздо тяжелее. Эмилия задержали. Собственно, что я тебе рассказываю? Посмотри материалы дела.

Даммер подвинул к краю стола толстую папку, явно предлагая Данае взять ее и раскрыть. Так она и поступила. Перелистала фотографии. Место происшествия. Электровелосипед со сломанным зеркалом у колеса машины «Скорой помощи». Потерпевший на носилках. Дана закрыла папку, но не вернула ее на стол, успев подумать, что шеф расценит этот ее жест как согласие взять дело. Так и есть. Даммер вздохнул свободнее, на его лице мелькнуло подобие улыбки.

– А зачем он это сделал? – спросила Дана, имея в виду Эмилия Фишера. – Он как-то объяснил свой поступок?

Даммер снял очки и аккуратно уложил их в футляр, давая понять, что разговор близится к концу.

– Я же тебе сказал. Он помешан на собственных правах и борется за них всегда и везде. По закону электровелосипеды не имеют права ездить по тротуару. Этот ехал. Значит, посягал на его права. А он их отстаивал.

«Идиот! Так я и думала», – мелькнуло в голове у Даны. Она вновь раскрыла папку и пролиستала несколько документов. Доверенность адвокату на ведение дела, протоколы бесед, документы из полиции.

– Возможно, суверенные права твоего родственника были нарушены, – согласилась Дана. – Но бить по колесу... Это решение представляется, – она усмехнулась, – излишне радикальным.

Даммер оживился. Разговор дошел до профессиональных тонкостей и сразу стал ему интересен. «Он, конечно, прирожденный адвокат», – подумала Дана, заметив огонь, вспыхнувший в глазах шефа.

– Разумеется, – согласился Даммер, энергично кивнув. – Прокуратура придерживается той же точки зрения. На предварительном слушании Хесин заявил, что Эмиль мог потребовать, чтобы велосипедист съехал с тротуара, мог записать номер велосипеда и передать его полиции, мог обратиться к прохожим, но не устраивать самосуд. Так он определил удар по колесу.

Даммер выдержал паузу и закончил:

– Прокуратура хотела обвинить Эмиля в покушении на убийство.

Дана удивленно взглянула на шефа, но Даммер выставил перед собой обе ладони.

– Глупость, конечно. Но они попытались. Хотели впать ему по полной программе. Обвинение по этой статье мне удалось отбить. Однако ситуация осталась сложной. Потерпевший получил тяжкие повреждения.

– Как же я буду его защищать?

Даммер навалился грудью на стол и заговорил тише, словно доверял Дане какую-то секретную информацию:

– По улице перед электровелосипедом шел молодой мужчина и вел за руку шестилетнюю девочку. Эмиль утверждал, что велосипедист слушал музыку и не следил за дорогой. Ес-

ли бы он не ударил по колесу, велосипед сбил бы ребенка.

– То есть он у нас спаситель? – усмехнулась Дана.

– Что-то вроде того, – кивнул Даммер. – Во всяком случае, такова была наша версия на всех допросах.

– И как к ней отнеслись следователи?

Даммер покачал головой, и в глазах у него появилось выражение скорби, словно он услышал о смерти близкого друга.

– Следователи ее зафиксировали. Но без особого энтузиазма. Потерпевший, разумеется, заявил, что он ни на что не отвлекался, музыку не слушал, очень внимательно вел свой велосипед и полностью контролировал ситуацию. Доказательств нашей версии не было. Короче, слово против слова. Все на усмотрение суда.

– Мужчину с девочкой, конечно, не нашли?

– Представь себе, нашли. – Велвел оживился. – Мужчина оказался жителем соседнего дома. Эмиль сам его отыскал. Но он нам ничем не помог. Он действительно вел за руку свою дочь. Но сам инцидент не видел. Все произошло за его спиной. Когда он оглянулся на шум, велосипед уже был на земле. Он и вызвал «Скорую помощь». А дополнительных свидетелей нам найти не удалось.

Даммер захлопнул папку, показывая, что больше сказать ему нечего. Дана выбралась из бархатного кресла, держа двумя руками тяжелую папку.

– Хорошо, Велвел, я займусь этим делом.

Уединившись в своем маленьком кабинетике, Дана разложила перед собой копии протоколов допросов и принялась за чтение. Через два часа она собрала все протоколы вместе и попыталась рассуждать. Никаких козырей у нее нет. Преступление и его последствия слишком очевидны. Доводы о спасении девочки от верной смерти слишком эфемерны. Нужно что-то еще. Но что? Дана покосилась на папку. Из нее выглядывал уголок фотографии. Дана потянула за него и достала снимок Эмиля Фишера, сделанный в полиции после задержания. В душе колыхнулось чувство неприязни, а в голове вновь мелькнуло слово «идиот». «Что за глупости, – возмутилась она и бросила фотографию на стол. – Это мой новый клиент. Человек, которого я взялась защищать. Между прочим, за приличный гонорар. Откуда такая неприязнь? Я же его даже ни разу не видела». Мама права. Она нетерпимая. Нетерпимая и резкая. Отсюда все ее беды. Дана вновь взяла фотографию и взглянула на нее, пытаясь проникнуться симпатией к изображенному на ней человеку. «Не все люди одинаковы, – убеждала она себя. – Не все должны думать как я. Есть люди, имеющие другое мнение. И это нормально. Эмиль Фишер считает соблюдение своих прав каждым человеком основой развития человеческой цивилизации? Это его право. И я не должна его осуждать и называть идиотом только за то, что его взгляды на жизнь не совпадают с моими». Дана вновь взяла со стола фотографию своего подзащитного и постаралась взглянуть на нее как можно ласковее.

Но проникнуться симпатией к Эмилю Фишеру ей так и не удалось. На первой встрече, когда в ответ на ее просьбу рассказать, как было дело, он пустился в долгие рассуждения о «некоторых людях, для которых чужие права являются пустым звуком, а нарушение законов стало привычным делом», Дана резко его оборвала и попросила говорить по существу. Неприязнь вспыхнула с новой силой, и слово «идиот» вновь зазвучало в голове, как Дана ни пыталась себя переубедить.

Готовясь к заседанию суда, на котором она впервые должна была появиться в качестве защитника Эмиля Фишера, Дана отправилась на место происшествия. Улица Царя Хизки-ягу действительно располагалась в тихом спальном районе с большим количеством парков и скверов. Перекресток с улицей Абарбанель¹⁵, на котором все произошло, оказался одним из самых оживленных. Дана прошлась по магазинам, поговорила с продавцами. Некоторые из них вспомнили инцидент, но никто не видел, как он произошёл. Все говорили о крике падающего Цимбера, о велосипеде, лежащем на земле, о прибытии «Скорой помощи» и полиции. Но момент удара по колесу и папу с дочкой, идущих перед велосипедом, не вспомнил никто. Не возвращаясь в контору, Дана поехала в полицию и потребовала показать ей велосипед, который до

---

¹⁵ *Дон Ицхак бен-Иегуда Абарбанель* – еврейский ученый и государственный деятель XV–XVI веков. Жил в Португалии, Испании и Италии. Противостоял инквизиции.

сих пор лежал на полке в камере хранения вещественных доказательств. Скучающая девушка в новенькой форме с погонами лейтенанта выкатила ей мощный Gnost с толстыми шинами Маххис и разбитым зеркалом с правой стороны. «Если такой машиной въехать в ребенка, действительно можно убить, – подумала Дана, двигая вправо и влево руль велосипеда. – А вдруг действительно этот Фишер предотвратил страшное?»

Рама велосипеда была обклеена фотографиями музыкантов группы Аххис. Дана пригляделась. Здесь и Бернхард Вейс, и Дирк Бранд из нынешнего состава ансамбля, и несколько бывших участников. «Паренек тащится от рока, – подумала Дана, – и судя по всему, эта любовь давняя и сильная». Она пригляделась. Рисунок протектора широких шин велосипеда заполнила засохшая красная глина, к которой прилипли травинки. Что это за глина? Дана тронула пальцем твердый комочек. Что-то смутно колыхнулось в памяти. Какие-то строки из протокола допроса. Что он там говорил? Дана попросила у девушки-лейтенанта пинцет и пластиковый пакетик. Осторожно отколупнула кусочек засохшей глины, опустила его в пакет, сфотографировала шины велосипеда и вышла из камеры хранения. Домой она вернулась только к полуночи.

На следующий день в зале номер 4 районного суда Иерусалима Дана попросила о проведении дополнительного допроса потерпевшего Леона Цимбера. Разумеется, Даниэль

Хесин заявил протест. Леон Цимбер уже давал показания и отвечал на вопросы адвоката Велвела Даммера. Заставлять этого человека, раненого, глубоко страдающего от тяжелых травм, как моральных, так и физических, проходить еще раз процедуру допроса не только нецелесообразно, но и жестоко, а значит, непрофессионально.

– Уважаемая госпожа Шварц может просто прочесть протокол того допроса, – сказал Хесин, отвешивая Дане издевательский поклон, и с удовольствием добавил: – Если, конечно, она не сделала этого до сих пор:

Судья Лора Соммер, строгая и представительная дама, облаченная в черную мантию поверх голубого костюма, повернулась к Дане.

– Госпожа Шварц, во время допроса вы скажете нам что-то новое или вы намерены оставаться в рамках предыдущего допроса?

Дана вышла из-за своего стола, улыбнулась Хесину и подняла глаза на судью.

– Я намерена выйти за рамки предыдущего допроса, ваша честь. Я хочу прояснить некоторые новые данные, которые появились у меня после того, как я по просьбе господина Фишера и с согласия господина Даммера взялась за это дело, – сказала Дана, заметив краем глаза, как переглянулись представители прокуратуры.

– Хорошо, – согласилась судья и ударила молоточком по подставке. – Возражения обвинения отклоняются. Господин

Цимбер, займите место свидетеля.

Длинноволосый Леон Цимбер, одетый в кожаную куртку и такие же брюки, смерил Дану ненавидящим взглядом и пошел к стоящей перед судьей небольшой кафедре с вделанным в нее микрофоном. Дана поднялась и встала возле кафедры. Правой рукой Леон Цимбер вцепился в край кафедры, пальцами левой отбивал какой-то ритм по ее крышке. Он явно нервничал, бросал тревожные взгляды на своего адвоката и поминутно шмыгал носом.

– Скажите, господин Цимбер, откуда и куда вы ехали в тот день? – Дана остановилась перед молодым человеком. Она улыбалась, но в глубине серо-зеленых глаз сверкали холодные безжалостные льдинки.

– Этот вопрос уже был задан во время предыдущего допроса, и мой подзащитный на него ответил, – мгновенно отреагировал адвокат Цимбера.

Судья недовольно покачала головой и взялась за молоток.

– Допрос начинается сначала, и сторона защиты вправе задавать любые вопросы, – сказала она и обратилась к потерпевшему: – Отвечайте на вопрос, господин Цимбер.

Молодой человек, явно следуя совету своего адвоката, заговорил тихим и проникновенным голосом, в котором звучали слезы:

– Я выехал просто прогуляться. Без какой-либо определенной цели. – Он шмыгнул носом и продолжил, глядя на судью: – До этого дня я болел. У меня диагностировали ко-

ронавирус. Я провел дома две недели. А в то утро мне разрешили выйти. Впервые. Я решил покататься. Я просто соскучился по свежему воздуху, по людям. Мне так захотелось выйти из дома...

Он опустил голову, словно едва сдерживал слезы. Судья бросила взгляд на Дану, но та молчала. Цимбер еще раз шмыгнул носом и продолжил:

– Я ехал и просто радовался жизни. Радовался людям, которые были вокруг. Возможно, я нарушал правила. Я знал, что на электровелосипеде нельзя ездить по тротуару, но, – он поднял на судью глаза, полные слез, – в нашем районе нет специальных велосипедных дорожек. А я так боюсь этих машин. Они же гоняют как сумасшедшие. Каждый день кто-то из велосипедистов гибнет. И поэтому я...

Он опустил голову и сделал вид, будто задыхается от слез. Даже протер ладонью глаза. «Эту последнюю фразу явно придумал его адвокат, – усмехнулась Дана. – Считает, что так нейтрализует наши обвинения в нарушении закона».

– Простите, господин Цимбер, – сказала она и подошла почти вплотную к кафедре свидетеля. – Я не спрашивала у вас, почему вы ехали по тротуару. Я спросила, откуда и куда вы ехали. Опишите ваш маршрут, пожалуйста.

Цимбер бросил тревожный взгляд в сторону своего адвоката, но тот, не чувствуя подвоха, кивнул и выставил перед собой ладонь. Дескать, спокойно.

– Я выехал из своего дома, – начал Цимбер.

– На улице Рабби Халафта?¹⁶ – уточнила Дана.

– Да, номер 16.

– И куда вы поехали?

– Никуда. Просто по улице. Потом повернул направо.

– Пожалуйста, уточните. Вы ехали по улице Рабби Халафта. Затем свернули направо. На какую улицу?

Цимбер покачал головой и покосился на судью.

– Я не помню, как она называется.

– Я помогу вам.

Дана очаровательно улыбнулась, вернулась к столу, достала из папки карту и разложила перед Цимбером.

– Вот карта вашего района. Я отметила красной точкой ваш дом. Давайте вместе нарисуем ваш маршрут к месту аварии.

– Это была не авария, – вскочил с места адвокат Цимбера. – Авария происходит случайно. А здесь мы имеем дело с преднамеренным нападением на моего подзащитного. Кроме того, я хочу обратить внимание суда на то, что мой подзащитный не тополог и не обязан разбираться в картах.

Дана взяла карту со стола и развернула перед судьей, затем показала адвокату Цимбера.

– Это очень простая карта, – в ее голосе звучали снисхождение и легкий упрек. – Чтобы разобраться в ней, не надо

---

¹⁶ *Рабби Халафта* – раввин Иоси бен-Халафта. Крупный религиозный авторитет, считавшийся святым. Легенда приписывает ему встречу с пророком Илией. Жил в I–II веках нашей эры на территории современной Сирии.

быть топологом.

Судья, явно заинтересованная разыгрывающимся действием, поправила широкий рукав мантии и величественно кивнула:

– Продолжайте, госпожа Шварц.

Дана кивнула, повернулась к Цимберу и повела пальцем по карте.

– Итак, от своего дома на улице Рабби Халафта вы поехали на запад. Затем свернули налево. Вероятно, на улицу РАМБАМ?¹⁷

– Да, да, – закивал свидетель. – Она именно так называется.

– По ней вы тоже ехали по тротуару?

– Нет. Это тихая улица, и на ней немного автомобилей. Я ехал по проезжей части. Но затем я свернул направо на... – Цимбер пригляделся к карте. – На Царь Хизкиягу. Это широкая улица, и по ней я уже ехал по тротуару. Ведь эти машины... – он опять заговорил плачущим тоном, глядя на судью, но Дана не позволила ему расслабиться.

– По Царь Хизкиягу вы доехали до улицы Абарбанель и там еще раз повернули направо. Так?

– Не совсем так, – возразил Цимбер. – Я только начал поворачивать, и тут на меня напали.

---

¹⁷ РАМБАМ – акроним от имени рабби Моше бен-Маймон (*иврит* מבמר). Выдающийся еврейский философ, богослов-талмудист, врач, астроном, физик и математик. Родился в 1138 году в испанской Кордове. Жил в Марокко, в государстве крестоносцев в Палестине. Скончался в 1204 году в Египте.

В голосе молодого человека прозвучало раздражение. Допрос явно начал ему надоедать. Но Дана не собиралась выпускать эту мышку из своих коготков до самой развязки.

– Сколько времени заняла у вас эта поездка? – задала она следующий вопрос.

Цимбер нетерпеливо дернул плечом.

– Минут десять-пятнадцать. Я ехал не очень быстро, чтобы никого из прохожих не задеть.

– И что вы собирались делать дальше? – задала вопрос Дана и тут же пояснила: – Если бы не авария. – Краем глаза Дана заметила движение адвоката и добавила: – Или, как это называет ваш адвокат, нападение на вас?

– Я собирался проехать по Абарбанель. Заехать в парк Сен-Симон¹⁸, подышать воздухом. В этом парке есть велосипедные дорожки. А потом я хотел вернуться домой. У моей поездки не было никаких определенных задач. Я просто хотел покататься после болезни. Подышать воздухом.

– Понимаю, – сочувственно кивнула Дана. – Я вас очень хорошо понимаю, господин Цимбер. Две недели карантина могут свести с ума кого угодно.

Под ее взглядом Цимбер сначала закивал, но сразу осекся, видимо вспомнив завет адвоката – остерегаться провокаций.

– Господин Цимбер, – продолжила Дана. – Я подозреваю, что вы любите рок-группу Axxis.

---

¹⁸ *Сен-Симон* – французский ученый XVIII–XIX веков, основоположник школы утопического социализма.

– Люблю. Я фанат этой группы. Я слежу за их творчеством еще со времен, когда в группе играл Гвидо Вемейер и Вальтер Питш. – Цимбер оживился, в его глазах появился блеск, но в этот момент он вспомнил о провокации и напрягся. – А что, разве нельзя любить пауэр-метал?

– Можно, конечно! – Дана всплеснула руками. Дескать, как может прийти в голову человеку, живущему в демократической стране, такая нелепая мысль. – Я спросила просто потому, что увидела на вашем велосипеде фотографии музыкантов этой группы.

– Ну да, я приклеил эти фотки, – с вызовом проговорил Цимбер. – А что, нельзя?

Он покосился на судью, которая начала проявлять первые признаки недовольства. Ей этот допрос тоже начал надоедать.

– Конечно, можно, – улыбнулась Дана. – Но скажите, господин Цимбер, не отвлекались ли вы во время движения, тем более по тротуару, от управления вашим велосипедом? Не слушали ли, например, музыку? Своей любимой группы Axxis. Вы ведь знаете, что водителям электровелосипедов это категорически запрещено.

– Я уже отвечал на этот вопрос, – с вызовом отчеканил Цимбер. – Я ни на что не отвлекался. Я никогда не слушаю музыку во время движения.

– Прекрасно. – Дана склонила голову. – Это очень похвально. И у меня к вам еще один вопрос. Кто-нибудь из ва-

ших домашних пользуется вашим велосипедом?

– Нет, – сразу ответил Цимбер. – Я живу с родителями и сестрой. Они не катаются на велосипеде. Тем более на электрическом.

– А ваши друзья? Не давали ли вы им велосипед на время своей болезни?

– Нет. Я никому не даю свой велосипед. Даже покататься.

– Хорошо, – кивнула Дана. – У меня остался последний вопрос к господину Цимберу.

Дана взглянула на Цимбера и заметила, как тот облегченно вздохнул на словах «последний вопрос». На губах его адвоката мелькнула улыбка, одновременно напряженная и насмешливая. На лицах прокурорских появилось выражение недоумения.

– Но прежде, – Дана повернулась к судье, – позвольте мне, ваша честь, подвести итог тому, что уже было сказано.

Судья, глядя на Дану сумрачным взглядом, строго кивнула.

– Господин Цимбер выехал из дома и проехал по четырём городским улицам. – Дана достала из папки и передала судье набор фотографий. – Проезжая часть этих улиц заасфальтирована, тротуары, как вы, ваша честь, можете видеть на фотографиях, сделанных мной, также заасфальтированы или выложены плиткой. Я все сказала верно, господин Цимбер?

Молодой человек кивнул.

– До этого путешествия ваш велосипед две недели стоял дома, и им никто не пользовался. Так ли это?

Цимбер кивнул.

– А теперь позвольте вопрос. Как вы можете объяснить, господин Цимбер, что на шинах вашего велосипеда налипла красная глина, перемешанная с травой? Ведь вы так и не доехали до парка Сен-Симон.

Дана постаралась, чтобы голос звучал спокойно и ровно, но это ей не удалось. Голос взмыл к потолку большого судебного зала и рухнул оттуда подобно орлу на съездившегося цыпленка Цимбера. Дана сделала несколько шагов к судебному столу и протянула Лоре Соммер еще несколько фотографий.

– Эти фотографии, ваша честь, сделаны полицейскими на месте нападения на господина Цимбера, – Дана интонацией выделила слово «нападение», и это не укрылось от судьи, в глазах которой мелькнула улыбка. – На них хорошо видна глина на шинах велосипеда. Согласно полицейскому протоколу, составленному на месте аварии, глина на тот момент была совершенно свежей.

Из груди Леона Цимбера вырвался неопределенный звук, нечто среднее между всхлипыванием и криком о помощи.

– При необходимости сторона защиты доставит в зал суда велосипед, который в качестве вещественного доказательства хранится на складе полиции. – Дана выдержала паузу и закончила фразу: – Кроме того, мы можем пригласить для

дачи показаний полицейского, составившего протокол на месте происшествия.

Судья твердой рукой приняла от Даны фотографии, наскоро проглядела и уставилась немигающим взглядом на Леона Цимбера. Тот под взглядом судьи засуетился, его узкий подбородок дрогнул. Прокурор Хесин бросился на помощь тонущему судну обвинения.

– Ваша честь, – он поднялся и поправил на переносице массивные очки, – я прошу прервать допрос потерпевшего до проведения экспертизы и до доставки в зал суда вещественного доказательства.

Адвокат Цимбера поднялся со своего места.

– Я присоединяюсь к этой просьбе обвинения, ваша честь. Мой подзащитный не обязан помнить все клумбы, в которые он мог заехать по пути.

Дана повернулась к адвокату Цимбера. На ее лице появилось ласковое выражение доброй кошки, убеждающей мышку посидеть дома, пока она сходит на крестины своего дорогого племянника¹⁹.

– На улицах, по которым ехал ваш подзащитный, нет клумб. И трава на них не растет. Я проехала по этим улицам и сделала фотографии, представленные суду. Но если вы, – Дана поклонилась адвокату, – или сторона обвинения, – еще один поклон, в сторону Даниэля Хесина, – не доверяете мо-

---

¹⁹ *Кошка и мышка* – герои одной из сказок братьев Гримм, в которой говорится о невозможности дружбы столь разных характеров.

им снимкам, вы можете представить свои. Но и на них, поверьте мне, не будет никаких клумб.

Дана вернулась за свой стол и поймала на себе восхищенный взгляд Эмиля Фишера. Казалось, он готов броситься на нее и расцеловать в обе щеки прямо здесь, в зале суда. «Только этого не хватало», – усмехнулась Дана. Она улыбнулась своему подзащитному почти ласково. «Это только начало, – словно говорил ее взгляд. – Ты еще не то увидишь».

Судья разложила фотографии перед собой на столе и кивнула.

– Версия защиты требует проверки. Это не является предметом спора. Но... – Лора Соммер взяла одну из фотографий и развернула ее так, чтобы было видно в зале. – Здесь действительно глина и трава. Как вы можете объяснить это, господин Цимбер?

– Я... – начал Цимбер. – Я полагаю... Возможно...

На помощь ему бросился старший советник Хесин. Величественно выпрямившись, он обдал Дану гневным взглядом.

– Позвольте, ваша честь, но то, что мы слышали, – всего лишь домыслы защиты. Защита и ранее прибегала к нечистоплотным приемам, пытаясь выставить потерпевшего потенциальным убийцей, а подсудимого едва ли не спасителем девочки, которая шла с отцом по тротуару. Эта глина и травинки могли прилипнуть к шинам до болезни потерпевшего. Я полагаю, здесь все понимают, – Хесин поправил очки и перевел взгляд с судьи на Дану, – что до своей болезни

господин Цимбер пользовался велосипедом. Что же до слов «свежая глина» в полицейском протоколе, то, полагаю, полиция не проводила экспертизу с целью определить возраст налипшей глины и эта запись является лишь точкой зрения патрульного, прибывшего на место преступления.

Прокурор Хесин улыбнулся и развел руками, словно актер, ожидающий аплодисментов. Дана улыбнулась своей самой очаровательной улыбкой и поднялась с места.

– Конечно, защита понимает, что господин Цимбер пользовался велосипедом до своей болезни и глина могла прилипнуть к шинам именно в это время. Кроме того, я признаю, что запись о свежей глине на колесах велосипеда сделана патрульным, прибывшим на место преступления, согласно его частному мнению.

– Что же нам теперь делать? – Хесин с улыбкой смотрел на Дану. – Как определить возраст глины, налипшей на колеса велосипеда?

– Поверьте, нам не придется этого делать. – Дана улыбнулась Хесину и перевела взгляд на судью. – Ваша честь, я бы все-таки хотела получить ответ на мой вопрос, где, по мнению потерпевшего, на колеса его велосипеда налипла глина. Прошу вас призвать господина Цимбера дать мне ответ.

Судья коротко кивнула и обратилась к Цимберу:

– Ответьте, господин Цимбер.

– Она налипла... – начал Цимбер, бросил взгляд на своего адвоката и, уловив его едва заметный кивок, уверенно

продолжил: – Она налипла, когда я катался по парку еще до моей болезни.

– По какому парку вы катались, господин Цимбер, не припомните? – Дана, улыбаясь, смотрела на потерпевшего, но никакого очарования в этой улыбке уже не было. Скорее холодная уверенность удава, уже окрутившего кольцами своего длинного тела беспомощного кролика.

– Я катался по парку Сен-Симон, – отчеканил Цимбер. – И там заехал на газон.

– Когда это было?

– За неделю до моей болезни, – в голосе Леона Цимбера появились истерические нотки.

– После этой поездки, которая состоялась за неделю до вашей болезни, вы не были в этом или в каком-нибудь другом парке?

– Не был!

– Я так и думала, – кивнула Дана и повернулась к судье. – Я пыталась уберечь господина Цимбера от прямой лжи суду, но увы...

Адвокат Цимбера рванулся было, чтобы встать, но, заметив что-то в глазах судьи, вернулся на свое место.

– Слушаю вас, – судья Соммер кивнула Дане.

– В этом районе, кроме парка Сен-Симон, в котором господин Цимбер был до своей болезни, есть еще один парк. Парк Шифф²⁰. Это на улице РАМБАМ, буквально в минуте

---

²⁰ *Парк Шифф* – парк в Иерусалиме. Назван в честь Джейкоба (Якова) Шиффа,

езды от дома господина Цимбера. На газоне в этом парке я обнаружила глину, подобную той, которая налипла на шины велосипеда Леона Цимбера.

Уловив краем глаза движение прокурора Хесина, вновь вставшего во весь рост, она повернулась к нему.

– По этому поводу есть заключение полицейской экспертизы, и оно будет передано суду, – сказала Дана, и Хесин сел.

Дана вернулась на свое место и продолжила:

– Парк Шифф хорошо известен жителям района как место сбора фанатов рока. И еще один факт. За два дня до выхода господина Цимбера из карантина группа Axxis, фанатом которой он является, выпустила новый альбом. Во время своей болезни получить этот альбом господин Цимбер никак не мог. В продажу он еще не поступил, в интернете на тот момент опубликован не был. Я предположила, что, выйдя из дома, господин Цимбер первым делом отправился в этот парк и там раздобыл свежую запись любимой группы. И именно это, а вовсе не желание подышать свежим воздухом, было причиной его поездки.

– Это всего лишь предположение! – выкрикнул Хесин, энергично махнув рукой.

– Конечно, – согласилась Дана. – Но я отправилась в этот парк и получила подтверждение этого предположения. Есть свидетели, которые видели, как господин Цимбер приобрел

американского банкира еврейского происхождения, филантропа и общественно-го деятеля.

диск, тут же вставил его в портативный магнитофон, надел наушники и уехал на велосипеде. Это было не до болезни господина Цимбера, а в день аварии. Только что господин Цимбер сообщил нам, что его поездка до места аварии заняла от десяти до пятнадцати минут. Запись на диске рассчитана на сорок пять минут. Таким образом, у меня есть все основания полагать, что во время аварии, – Дана сделала ударение на этом слове, и возражений от адвоката не последовало, – господин Цимбер продолжал слушать запись. То есть он не только ехал по тротуару, опасаясь автомобилей, но и, вопреки всем действующим правилам, отвлекался от управления велосипедом. Кроме того, – Дана взглянула на прокурорских, ласково улыбнулась им и закончила: – он лгал суду. И неоднократно.

На мгновение в зале установилась тяжелая тишина. Первым пришел в себя опытный Хесин.

– Все это требует проверки и доказательств, – начал он, но Дана не собиралась давать противнику ни одного шанса.

– Разумеется, – усмехнулась она. – Показания свидетелей будут переданы суду и стороне обвинения. Кроме того, свидетели могут быть вызваны в суд и допрошены.

Адвокат Леона Цимбера поднялся с места.

– Прошу суд объявить перерыв для изучения всех представленных данных, – сказал он, не отрывая глаз от поверхности своего стола.

Судья скользнула равнодушным взглядом по лицу Леона

Цимбера, все еще стоящего за кафедрой.

– Вы можете вернуться на свое место, господин Цимбер. Объявляю перерыв до следующей недели. Прошу стороны защиты и обвинения в мой кабинет для назначения экспертиз и даты продолжения слушаний.

Молоток рухнул на подставку...

...Выбравшись из цепких рук старушки в старинной шляпке, Дана, проклиная оттягивавшую руку папку, сбегала по мраморной лестнице. Она была довольна собой. Штраф и три месяца условного заключения – это не полтора года в тюрьме. Все получилось прекрасно. И это «рыжая сучка» от прокурорских – лучшее тому подтверждение. «Меня так радует выигранное дело? – умилялась Дана, скользя ладонью по гладкому мрамору перил. – Значит ли это, что я тщеславна? Да, я тщеславна. Мне приятно выигрывать и доказывать свое превосходство над другими. Ну и что?» В голову закралась крамольная мысль: «А провел бы великий Велвел Даммер это дело так же, как я? Достиг бы он того же результата?» Господи, не хватало только, чтобы эта сказочная старушка Фишер, встретившись со своим родственником и рассказывая ему о ходе процесса, упомянула бы о «лучшем адвокате Иерусалима». Самолюбивый Даммер не простит ей такого унижения. «Плевать, – улыбнулась своим мыслям Дана. – Что же, мне надо было проиграть это дело? Сам же просил все сделать, чтобы Эмиль Фишер не оказался за решеткой. Не надо было отдавать это дело мне».

На подземной стоянке Дана уложила папку в багажник, забросила сумочку на заднее сиденье своей любимицы, белоснежной «Вольво ХС-40» с электрическим двигателем, села за руль и включила мобильный телефон. Он замигал лампочками и запищал, сигнализируя о неприятых сообщениях и пропущенных звонках. Дана завела машину, установила телефон на держатель и проглядела список пропущенных звонков. «Алина». Дочь вернулась домой из школы и, конечно, хотела узнать, что ей есть. Подождет. В семнадцать лет пора думать самой и принимать самостоятельные решения. «Даммер». Этот звонил несколько минут назад. Наверняка хотел выяснить подробности судебного решения. Тоже подождет. Дана представит ему подробный отчет и будет рассказывать обо всех перипетиях дела лично, сидя в «царском» кресле в его кабинете. Чтобы видеть, как будет меняться лицо шефа по мере ее рассказа о провале великого Хесина. В этом удовольствии она себе не откажет. Дана ткнула в строчку с надписью «мама».

– Здравствуй, моя девочка!

Мама была единственным человеком, к которому Дана относилась тепло и нежно. К дочери она была требовательна и строга. Отношения с отцом были доверительными, он советовался с ней по юридическим вопросам своих многочисленных бизнес-идей и называл «умницей». Она рассказывала ему о тонкостях своих дел, выслушивала его вопросы и комментарии, многие из которых были вполне дельными. Но

только к матери Дана испытывала щемящее чувство нежности, такое, что иногда слезы наворачивались на глаза, когда мама обнимала ее за плечи.

– Здравствуй, мамуля!

– Я звонила тебе все утро, но твой телефон был выключен.

В голосе Веры Борисовны Шварц звучали недовольство и удивление. В свои шестьдесят лет эта крепкая женщина с открытым лицом, которое несколько портили курносый носик и широкие скулы, сохранила замашки домашнего диктатора и никогда не оставляла попыток командовать мужем, дочерью и сыном. Дочь и сын управлению поддавались с трудом, и вся властность Веры Борисовны доставалась мужу Генриху, который, любя жену, всегда находил в себе силы относиться к ее распоряжениям, указаниям и приказам с насмешливой иронией.

Дана сделала вид, будто не замечает недовольства в тоне матери.

– Вижу, мамуля, – ласково проворковала она. – Пять звонков от тебя за последние два часа. Я была в суде. Что-нибудь случилось?

– Случилось? С чего ты взяла?

Мама, которая, видимо, сочла пребывание в суде уважительной причиной для отключения телефона, постаралась придать голосу беспечность, но ей это плохо удалось. «Значит, все-таки что-то произошло», – решила Дана.

– Пять звонков, – Дана улыбнулась. – Обычно ты обижа-

ешься после второго. А после третьего наговариваешь мне текст о неблагодарных детях, забывающих своих родителей и не считающих нужным даже перезванивать им после «сотен звонков».

– Я наговариваю тебе такие тексты?! – возмутилась мама, но не выдержала строгого тона и рассмеялась. – Иногда я и в самом деле на тебя сержусь. Но сегодня ничего не случилось. Просто тебя разыскивает Сабина Пастер.

– Кто?

– Сабина. Твоя подруга. Та самая, которая была Кауфман, а после замужества стала Пастер.

– А-а-а, Сабина! Господи, сколько лет мы с ней не виделись?

– Ты окончила школу двадцать лет назад. Ты уже не так молода, моя девочка, – в голосе мамы зазвучала ироничная грусть.

– Да, мама, – Дана подхватила мамин тон, – мне исполнилось тридцать восемь и пошел тридцать девятый год. Когда я окончила школу, мне было восемнадцать. А через месяц свой восемнадцатый день рождения собирается отметить моя дочь. Скоро мне вообще стукнет сорок и у меня начнется кризис среднего возраста.

– Не говори ерунды! – уверенно сказала мама. – Никакого кризиса у тебя не будет. Кризис бывает у слабых и неуверенных в себе людей. Твои подзащитные, судьи и прокуроры не дадут тебе впасть в депрессию. А напоминать мне о моем

возрасте – это очень скверно с твоей стороны.

– Ты у меня молодая мама. Тебе еще можно напоминать, – поторопилась сделать комплимент Дана. – Кстати, с Сабиной мы виделись и после школы. Лет десять назад отдыхали вместе в Чехии, в Карловых Варах. Габриэля, как всегда, отозвали в Израиль, а мы с Алиной остались. Алине было лет восемь. И на улице случайно встретили Сабину. Она была с сыном. Ему тогда было шесть или семь лет. Она позже меня вышла замуж. Как же звали ее сына? – Дана вывела машину со стоянки и свернула в сторону центра. – По-моему, Ури. Кроме того, мы несколько раз встречались в Тель-Авиве. В ресторане и в театре. Даже ужинали вместе. С мужьями. А что она хотела?

– Не знаю. Она мне не сказала, но была очень взволнована. Сказала, что ей нужна твоя помощь и это срочно. Так что позвони ей.

– У меня нет номера ее телефона.

– Она мне оставила. Я тебе пришлю.

– Мама, я устала. Я выступала в суде. Я должна передохнуть хотя бы пару часов... Я...

– Ты стала черствой, – решительно заявила мама. – Тебе всегда были важны только твои дела и только твои проблемы.

– Мама! – простонала Дана.

– Что мама? Твоей подруге нужна помощь, а ты, видишь ли, устала и должна отдохнуть.

Подруге! С которой не виделась десять лет. Но все же ма-

ма права. Конечно, подруга. Именно Сабина была первым человеком, с которым Дана познакомилась в Израиле. Дана навсегда запомнила свой первый день в детском саду Иерусалима, куда ее привела растерянная мама в яркой старомодной косынке, купленной перед отъездом у заезжей спекулянтки. С трудом сложив заранее заготовленные ивритские слова во фразу, мама попросила воспитательниц «быть терпимей к ее маленькой дочери, которую зовут Дана». Воспитательницы приветливо улыбались и обещали любить Дану, как и всех других своих воспитанников. Но за этими улыбками, за молчанием детей, сидящих каждый на своем стульчике и тарасивших глаза на новенькую, а скорее на ее огромный капроновый бант, похожий на лопасти вертолета, Дана чувствовала свою чужеродность. В детском саду в родном Ленинграде она была своей, заводилой, которую боялись даже мальчишки. Здесь она сразу стала чужой и непонятной. От этого ощущения защипало в носу, и Дана вцепилась в руку мамы: «Не уходи!» Мама присела, попыталась объяснить, что ей нужно на работу, что здесь все будет хорошо, ее не обидят. Напротив, ей даже очень рады. У нее будут новые друзья и новая жизнь. Но Дана ничего не слышала, а слезы сами текли из глаз. И тут подошла Сабинка. Решительным жестом взяла Дану за руку и сказала: «**בוּא נלך . בוּא נלך .** Дана беспомощно оглянулась¹² **אני אתן לך בובה שלי**».

---

²¹ ילש הבוב דל וְהא ינא . קחשל דלנ אוב . דלנ אוב – пошли. Пошли играть. Я дам тебе свою куклу (*ивр.*).

на маму, но Сабина нетерпеливо дернула ее за руку. «בוא נלך»
-унребО И Дана пошла. Сделала несколько шагов. ²²«בקרוב»
лась на маму. Мама стояла, прижав ладони к щекам. Сабина
. ³²одним движением сняла с головы Даны бант. «זה לא צריך»
И Дана сразу стало легко и спокойно. Она взяла протянутую
-eЧ .ьсилаватссар ен ино роп хет С ⁴²Сабинной куклу. «הודה»
рез два года пошли в одну школу, сидели за одной партой,
не имели никаких тайн друг от друга. Но после школы их
пути разошлись. Дана поступила на юридический факультет
Еврейского университета в Иерусалиме, Сабина, мечтавшая
стать актрисой, – в колледж искусств. Но актрисой она так и
не стала, хотя колледж окончила. Вышла замуж, родила ре-
бенка и застряла дома. «Позвоню, – решила Дана, – может,
действительно у Сабинки что-то случилось».

– Хорошо, мама, – сказала Дана, – я ей перезвоню из дома.
Пришли мне номер телефона.

---

²² בורקב דלנ אוב – пошли скорее (*ивр.*).

²³ דירצ אל הז – это не нужно (*ивр.*).

²⁴ הדות – спасибо (*ивр.*).

Глава 4

Инспектор Следственного управления уголовной полиции Иерусалима Эльдад Канц вошел в приемную главного редактора газеты «Русские ведомости» и привычным жестом продемонстрировал симпатичной блондинке свой служебный жетон. Девушка, одетая в черно-серую блузку, приятно контрастирующую со светлыми волосами, сидела за высокой конторкой, примыкающей к двери в кабинет, и что-то печатала на компьютере.

– Здравствуйте, моя госпожа. Это я вам звонил из полиции.

Блондинка оторвалась от своего компьютера, приветливо улыбнулась и пригляделась к жетону.

– Здравствуйте, лейтенант Канц. Господин Сорокин ждет вас. Одну минуточку.

Блондинка выпорхнула из-за своей стойки, колыхнула полной грудью и скрылась за дверью кабинета. Через несколько секунд дверь кабинета вновь распахнулась.

– Прошу вас, – она придержала дверь, пропуская лейтенанта в кабинет.

...Каждое дело, в расследовании которого участвовал Эльдад Канц, он рассматривал как возможность резко изменить свою жизнь. А под изменением жизни он имел в виду прежде всего развитие карьеры. Его никак не устраивало об-

щепринятое – вялое и медленное – продвижение по служебной лестнице, когда офицер полиции раз в несколько лет получает новое звание и должен бороться с коллегами за интересную должность. Нет, он мечтал когда-нибудь сделать то, что его отец, полковник Армии обороны Израиля, называл פריצה. А для того чтобы добиться פריצה, он должен⁵²словом פריצה-етам ьтамйоп и олед еонжолс ьтырксар ,тичанз а ;⁶²להצטייך рого преступника. Лучше, конечно, убийцу. Еще лучше серийного. Настоящего монстра. В самых смелых мечтах лейтенанта Канца он не просто самостоятельно раскрывал сложное дело, но делал это вопреки мнению начальства. Согласно плану Эльдада ему предстояло вычислить опасного преступника благодаря своему уму, аналитическим способностям, прозорливости, интуиции и наблюдательности. Конечно, он не станет нарушать субординацию. Со своими выкладками и расчетами он придет к капитану Рафи Битону, своему непосредственному начальнику. Но этот бюрократ только посмеется над молодым следователем и продолжит отстаивать свою версию – формальную, пустую и ведущую в никуда. Эльдад почти физически ощущал ненависть к этой нелепой версии, в которую обеими руками вцепится Рафи Битон. Конечно, лейтенант Канц не успокоится и не отступит, а попытается достучаться до более высокого начальства. Он передаст свои расчеты Моше Ригеру, полковнику Лейну и

---

²⁵ פריצה – прорыв (*ивр.*).

²⁶ להצטייך – отличиться (*ивр.*).

даже напишет рапорт генералу, начальнику Следственного управления. Но все зря. Высокопоставленные бюрократы заглушат его смелый голос своими тоскливыми наставлениями о необходимости прислушиваться к мнению более старших, а значит, более опытных коллег. Тогда Эльдад затаится, сделает вид, будто смирился с неизбежным, но втайне от всех продолжит готовить захват коварного маньяка. Пройдет несколько недель. Обычными формальными методами вычислить преступника не удастся. А тот будет совершать все новые и новые злодеяния. И тогда... Начальство соберет личный состав Иерусалимского округа полиции и потребует решительных действий. Конечно, приедет комиссар, командующий полицией Израиля, и кто-то из Министерства внутренней безопасности. Возможно, даже министр. Полковник Лейн будет сидеть бледный как смерть. Моше Ригер не поднимет головы, а Рафи Битон будет пытаться оправдываться. И тогда Эльдад встанет. Нет, он ничего не станет говорить о своем расследовании. Он просто скажет министру: «Дайте мне сорок восемь часов, и преступник окажется за решеткой». Министр, конечно, посмотрит на комиссара, комиссар на генерала, командующего Следственным управлением, тот на своего заместителя полковника Лейна, полковник – на Рафи Битона. Этот будет спорить и возражать. Он никогда не поставит Эльдада в один ряд со своими любимцами, с этими Зайтелем и Кальбом, которые когда-то, может быть, и ловили преступников, но сейчас постарели и утратили хватку. Но

министр и генералы во всем разберутся. И полковник Лейн тоже встанет на сторону Эльдада. Он разумный и справедливый человек. Ему хватит ума и мужества довериться молодому следователю. Зайтель и Кальб, конечно, посмеются. И предрекут молодому коллеге полный провал. Но их ждет горькое разочарование. Потому что лейтенант Эльдад Канц арестует преступника. Министр вновь соберет всех сотрудников. И предложит брать пример с Эльдада Канца. Конечно, Эльдад получит еще один серебряный шестиугольник на погоны. Но дело вовсе не в звании. Он ведь ищет преступников не ради званий и должностей. Он так и скажет министру и генералам.

Эльдад закрывал глаза и с удовольствием представлял себе этот момент. Постные лица Зайтеля и Кальба, прищуренный взгляд Битона. Не начнут ли они потом мстить молодому офицеру? Не начнут. Потому что он не остановится на первом успехе. Он продолжит выдвигать смелые версии и раскрывать самые запутанные дела. Он превратится в настоящего «следака», грозу грабителей и убийц. И тогда никто не посмеет мстить ему или ставить палки в колеса. А отец за ужином поднимет, как обычно, свою вилку и, с гордостью глядя на Эльдада, скажет матери и сестрам: «עבשיו הוא חייל»⁷².
«אמת»⁷².

Когда Эльдада включили в группу по расследованию странного убийства этого русского парня в кинотеатре, он не

²⁷ יתמא לייח אזה וישבע – теперь он настоящий солдат (*ивр.*).

спал всю ночь. Размышлял, что же могло заставить убийцу стрелять в зале, где его мог заметить каждый зритель. Может быть, убийца страдает какой-нибудь особой болезнью и хорошо видит только в темноте? Вроде бы есть такое заболевание. И именно оно заставило убийцу пойти за своей жертвой в темный зал и стрелять именно там. Как же эта болезнь называется? Эльдад спустил ноги с кровати, нащупал теплые тапочки и пошел к книжной полке, по пути щелкнув выключателем настольной лампы. Толстенный Справочник практикующего врача занимал видное место на книжной полке. Эльдад снял книгу и зашелестел страницами. Вот она. Болезнь, о которой он вспомнил. Никтолопия. Этиология и патогенез неинтересны. Этим пусть занимаются врачи. А вот симптомы: «...Затрудняется или пропадает способность видеть в сумерках и при недостаточном освещении». Это не то. Ему нужна, наоборот, способность видеть только в сумерках. Эльдад захлопнул книгу и вернул ее на полку. Нет. Болезнь здесь ни при чем. Даже если такое заболевание есть, убийца, если он не полный идиот, не стал бы стрелять в зале. Дождался бы вечера и стрелял на темной улице. Эльдад вернулся в кровать. Хватит придумывать всякие небылицы. Так ему это преступление не раскрыть. Он должен найти четкий и точный ответ на вопрос, почему убийца стрелял в зале кинотеатра. Может быть, он хотел не допустить какой-нибудь встречи, которая должна была состояться или во время сеанса, или сразу после него. Значит, человек, с которым соби-

рался встретиться русский журналист, находился здесь же, в зале. И должен был подойти к журналисту во время сеанса. А кому-то очень надо было не допустить эту встречу. Любой ценой. Даже ценой убийства. Даже пренебрегая опасностью быть застигнутым на месте преступления. И убийца свою задачу выполнил. Он не допустил эту встречу, выстрелив в Антона Голованова через семь минут после начала сеанса. Так-так, это интересно. Эльдад повернулся на другой бок и перевернул подушку, которая вдруг стала горячей и липкой. Значит, кроме убийцы, в зале был еще и человек, с которым у Голованова была тайная встреча. Кто этот человек? Почему он назначил встречу журналисту в зале кинотеатра? Чем эта встреча была так опасна для убийцы? И как ему вычислить этого человека среди двух десятков зрителей?

Проворочавшись почти до утра, но так ничего не придумав, Эльдад в девять утра был в кабинете Рафи Битона. Он отказался садиться в предложенное кресло, вытянулся в струнку у двери и заявил, что, по его мнению, они должны не только определить, кто такой убитый журналист и для чего он приехал в Израиль, но и проанализировать каждую минуту его пребывания здесь. Составить график его перемещений, определить, где был и что делал. С кем, где и за чем встречался. Бюрократ Битон, конечно, снисходительно улыбнулся. Дескать, вовсе не это является ключевым моментом их расследования. Ведь они с минуты на минуту получают данные баллистической экспертизы, которая точно покажет,

с какого места в зале стреляли в этого русского. И тогда все, что им останется, «расколоть» убийцу на допросе. А с этим отлично справится кто угодно. Хотя бы те же Зайтель или Кальб. Тогда и выяснятся все подробности поездки русского журналиста в Израиль. «Можете быть свободны», – сказал Битон, но Эльдад решил не отступать. Простите, господин капитан. Битон поднял голову, оторвавшись от бумаг. Баллистическая экспертиза, конечно, укажет на преступника. Но данных экспертизы для суда недостаточно. А если убийца не заговорит на допросе и от всего откажется? Тогда им понадобятся дополнительные доказательства его вины. И вот эти «дополнительные доказательства» и раздобудет он, Эльдад Канц, проанализировав каждый шаг русского журналиста в Иерусалиме. Несмотря на недовольный взгляд Битона, Эльдад стоял у двери и говорил горячо и напористо. Ведь это тот самый случай, о котором он мечтал. Он предлагает, бюрократ начальник отвергает все его предложения, он не останавливается и идет до конца. Но, к его большому удивлению, Битон не стал упорствовать. Когда Эльдад договорил, капитан неожиданно кивнул. «Не буду давить вашу инициативу, лейтенант. Настаиваете на своей версии? Попробуйте. Может, и в самом деле нащупаете какой-нибудь след».

Обрадованный и удивленный Эльдад вытянулся во весь рост, щелкнул каблуками и выскочил из кабинета, пока Битон не передумал.

...Редактор «Русских ведомостей» оказался широко улы-

бающимися толстяком в светло-сером вельветовом пиджаке и широких джинсах, пояс которых едва сходил на его необъятном животе. Он сделал несколько шагов навстречу Эльдаду и предложил располагаться у журнального столика, на котором аккуратной стопкой лежали номера последнего выпуска газеты «Русские ведомости».

– Чувствуйте себя как дома, – добродушно прогудел толстяк, будто встречал не следователя полиции, а доброго приятеля, которого сам пригласил на кофе. Редактор сел на диван, предоставив возможность Эльдаду занять кресло, и представился: – Меня зовут Виктор Сорокин.

Свою фамилию он произнес по слогам, чтобы ее звучание не вызывало вопросов. Эльдад пожал протянутую мягкую ладонь и церемонно поклонился.

– Очень приятно! Я инспектор Следственного управления уголовной полиции Иерусалима лейтенант Эльдад Канц.

Эльдад достал диктофон и вопросительно взглянул на собеседника. Сорокин кивнул и даже дернул полными покатыми плечами. Дескать, какие проблемы? Пишите, пожалуйста, что угодно: мне скрывать нечего. Эльдад нажал кнопку записи и устроил диктофон на столе.

– Вы Виктор Сорокин, главный редактор газеты «Русские ведомости», – уточнил он и покосился на стрелку диктофона, чтобы удостовериться, что запись идет.

– Я Виктор Сорокин, – сказал толстяк, чуть наклонившись к диктофону, – а что касается главного редактора... – Он

улыбнулся. – Это только так называется. Газета «Русские ведомости» издается в Москве, и ее настоящий главный редактор, как и вся редакция, находится там. Я всего лишь редактор израильского издания. Когда-то, лет семнадцать назад, когда мы только начинали наше сотрудничество, мы получали из Москвы тридцать две готовых полосы. Добавляли к ним шестнадцать полос, которые делали здесь. Израильские новости. Политика, экономика, культура, спорт. Вместе это составляло сорок восемь полос. Плюс приложение малого формата на тридцати двух полосах с интервью и телевизионной программой. Тогда меня можно было назвать главным редактором. У меня были журналисты, редакторы, фоторепортеры, корректоры, верстальщики. Но со временем тираж газеты снижался. – В глазах Сорокина появилась печаль. Он тяжело вздохнул и пояснил: – Старички уходили в мир иной, молодые люди быстро переходили на иврит и начинали читать местную прессу. Доходы упали. Наша часть газеты сначала сократилась до восьми полос, потом – до четырех, а год назад вообще закрылась. Пришлось увольнять весь персонал. Сегодня газета выходит на тридцати двух полосах, которые мы получаем из Москвы. Мы здесь только собираем рекламу и монтируем ее на этих полосах. Из всей редакции остались только бухгалтер, график, монтирующий рекламу, моя секретарша, которая выполняет функции координатора, и корректор, который выполняет и обязанности машинистки. Вот такой я главный редактор.

– Понимаю. – Эльдад склонил голову в знак понимания трудностей собеседника и решил переходить к делу. – Вам известен корреспондент «Русских ведомостей» Антон Голованов?

– Конечно известен. – Сорокин колыхнулся всем грузным телом. – Я же понимаю, с чем связан ваш визит. Это ужасное убийство... Я второй день в себя прийти не могу. Самый настоящий шок.

Эльдад промолчал, не желая ввязываться в беседу о самочувствии редактора, и Сорокин продолжил монолог:

– Антон приехал позавчера утром. Прямым рейсом из Москвы. Меня предупредил о его прилете главный редактор газеты. Я встретил его в аэропорту и привез в Иерусалим. Ему сняли номер в «Царе Давиде»²⁸.

– Ого! – вырвалось у Эльдада.

Толстяк Сорокин закивал, смешно выпятив вперед нижнюю губу.

– Да-да-да. А что вы хотите? Антон – звезда российской журналистики. Причем одна из самых серьезных. – Он вспомнил об убийстве, посуровел и исправился: – Был звездой, конечно. На нем в значительной степени держалась вся

---

²⁸ «Царь Давид» – гостиница в центре Иерусалима, в которой живут многие приезжающие в столицу Израиля знаменитости, включая президентов США и России. Построена в 1931 году, названа в честь второго царя объединенного Израильского царства. Давид происходит из колена Иуды. Царствовал 40 лет (с 1005 года до нашей эры до 965 года до нашей эры). Передал трон своему сыну Соломону. Автор знаменитых «Псалмов» (в русской традиции «Псалтирь»).

газета. Его расследования, очерки и интервью ждали, ими зачитывались. Его гибель – большая утрата для нашей газеты.

– Понимаю, – кивнул Эльдад, сделав какую-то пометку в блокноте. – Итак, вы поселили его в «Царе Давиде». Но вы выяснили, для чего он приехал в Израиль?

На лице толстяка появилось обиженное выражение.

– Антон не посвятил меня в подробности. Только сказал, что его визит связан с расследованием, которое он долгое время вел против Олега Михайлова.

– Против кого? – Эльдад оторвался от блокнота.

– Олег Анатольевич Михайлов, – в голосе Сорокина появились нотки восторга и одновременно упрек: как господин лейтенант может не знать такого человека. – Бизнесмен, миллиардер. Уже двадцать лет живет в Израиле. Но бизнес ведет в России. Не только в России, конечно. И здесь, в Израиле. А еще в странах Прибалтики, в США. Короче, большой бизнесмен.

– И против него Голованов вел расследование?

Сорокин тяжело задышал и развел руками.

– Так, во всяком случае, он сказал мне.

– Какого рода расследование?

– Не знаю. – Сорокин покачал головой. – Он со мной не делился. Да и я не интересовался. В таких делах, знаете, как у нас говорят, меньше знаешь – лучше спишь.

– Вы считаете расследование против Михайлова опасным делом?

Сорокин смешно запыхтел, на его лице появилось выражение беспокойства, которое он попытался скрыть, отведя глаза в сторону.

– Я не знаю Олега Михайлова лично. Но мне рассказывали, что свой первый миллион он заработал в девяностых годах прошлого века, открыв металлургическую компанию с двумя компаньонами. Когда их компания набрала силу, один компаньон взорвался в автомобиле, другой был застрелен киллером. После этого Михайлов стал единственным владельцем большой компании.

– У этих бизнесменов не было наследников? – недоверчиво спросил Эльдад.

– Были, – улыбнулся Сорокин. – Но с ними побеседовали люди господина Михайлова, и они приняли решение продать ему свои доли в компании примерно за четверть их стоимости.

Лицо Канца, вероятно, так изменилось, что Сорокин расхохотался. Из его груди вырвались ухающие звуки, в такт им заколыхалось большое тело и запрыгал живот.

– Это бизнес по-русски. – Сорокин отсмеялся и развел руками. Дескать, ничего не поделаешь. Таковы особенности этого вида бизнеса.

– Хорошо, – покорно согласился Канц. – Вернемся к приезду Голованова. Вы встретили его в аэропорту и отвезли в «Царя Давида». А дальше?

– Я привез его в гостиницу и хотел вернуться в редак-

цию. – Сорокин сразу стал серьезным. – Думал дать ему возможность отдохнуть, принять душ. Но он спросил, есть ли у меня сейф. Я ответил, что сейф есть в моем кабинете в редакции. Антон попросил отвезти его в редакцию. Причем немедленно. – Сорокин помрачнел и нахмурился, словно эти воспоминания были ему неприятны. – Я, конечно, его просьбу выполнил. Он оставил в номере чемодан, и мы поехали в редакцию. Там Антон собственноручно спрятал в сейф какие-то документы. Судя по всему, он ими очень дорожил и сказал, что не хотел, чтобы документы даже на час оставались в номере гостиницы.

– Где эти документы сейчас?

– Антон их забрал. Вчера утром приехал и забрал.

– Для чего они ему понадобились?

Сорокин развел руками. Это физическое действие далось ему непросто. На лбу выступили капельки пота. Нижняя губа выпятилась вперед, что придало его лицу удивленно-обиженное выражение. Толстяк-редактор словно спрашивал: «Сколько вы еще будете мучить меня? Разве вам непонятно, что я ни при чем, я ничего не знаю и сказать мне нечего?»

– Он вроде бы собирался встретиться с Михайловым, – в тоне редактора появились нотки раздражения. – Но для чего он взял документы, я не знаю. Я ему не задавал вопросов, а он со мной не откровенничал. Может быть, Марина знает.

– Кто? – Эльдад поднял глаза на редактора, постаравшись

придать взгляду максимальную твердость, чтобы этот человек уяснил: никуда ему не скрыться от вопросов этого проницательного офицера. Так что не стоит и пытаться.

– Моя секретарша, – все с теми же нотками раздражения в голосе сказал Сорокин. – Я попросил ее сопровождать Антона. Ему нужна была помощь. Ну, вы понимаете... Транспорт, перевод.

– Могу ли я с ней поговорить?

– Конечно.

Эльдаду показалось, что в голосе редактора прозвучало плохо скрываемое облегчение. Сорокина явно обрадовала перспектива переложить свои страдания, связанные с допросом, на кого-либо другого. Тяжело опираясь о подлокотник дивана, Сорокин поднялся, подошел к двери и открыл ее.

– Зайди, пожалуйста.

Блондинка вскочила, одним движением одернула блузку, отчего та призывно натянулась на груди, бросила короткий взгляд в зеркало и переступила порог кабинета. Она стояла у двери, переводя взгляд с Сорокина на Эльдада, пытаясь понять, зачем она понадобилась. Только ли чтобы заказать кофе или... Эльдаду показалось, что в глазах девушки на мгновение мелькнул страх.

– Позвольте вам представить, господин лейтенант: Марина Цукерман. – Сорокин кивнул на свободное кресло. – Садись, пожалуйста. Господин Канц, инспектор полиции. Он хочет задать несколько вопросов об Антоне. Ты же его со-

проводжала.

– Сопровождала. – Блондинка опустила в кресло, положила ногу на ногу, обнажив стройные бедра, и с вызовом взглянула на Эльдада. В этом взгляде нежных голубых глаз Эльдад увидел усмешку. Дескать, все вы, мужчины, одинаковы. И ты, офицер полиции, несмотря на деловой характер нашей встречи, будешь пялиться на мои ноги и грудь, хоть и попытаешься сделать вид, будто тебе все это безразлично. Под этим взглядом Эльдад смутился, заерзал в кресле, зачем-то кашлянул и опустил глаза на раскрытый блокнот.

– Расскажите, пожалуйста, обо всех перемещениях господина Голованова по Иерусалиму. – Эльдад поднял глаза на девушку и добавил: – За последние два дня.

По лицу Марины пробежала улыбка, словно в замешательстве офицера она увидела подтверждение всех своих мыслей о мужчинах. Выражение ее глаз стало спокойнее, она откинулась на спинку кресла (отчего узкая юбка поползла еще на несколько сантиметров вверх) и кивнула.

– Конечно. – Марина помедлила, словно собиралась с мыслями. – После того как Антон впервые приехал в редакцию и Виктор Сергеевич, – Марина кивнула в сторону Сорочкина, – поручил мне его опекать, я отвезла его в гостиницу. Антон хотел принять душ и отдохнуть. Он спросил, где ему лучше пообедать, и я порекомендовала русский ресторан «Потемкин». Он попросил составить ему компанию, и я согласилась. В гостинице Антон поднялся в номер, чтобы пе-

реодеться. Я осталась ждать в фойе. Вскоре Антон спустился, и мы поехали. Из машины он позвонил тому человеку, ради встречи с которым он приехал в Израиль...

– Этому бизнесмену, – Эльдад заглянул в блокнот и не без труда выговорил: – Олегу Михайлову?

– Да, – кивнула Марина. – Он сказал, что приехал только на три дня и хочет как можно быстрее с ним встретиться. Они договорились о встрече на полдень следующего дня.

– Где они договорились встретиться?

– В офисе Михайлова. В особняке на улице Абба Эвен²⁹.

– Около правительственного квартала! – вырвалось у Эльдада.

Марина пожала плечами. Дескать, а где еще может располагаться офис миллионера и владельца металлургической компании. Эльдад кивнул и сделал пометку в блокноте.

– После этого мы пообедали. В «Потемкине». Сидели там около часа. Антон устал после перелета. Я отвезла его в гостиницу и поехала домой. – Марина выдержала паузу, вспоминая последовательность событий. – На следующее утро...

– То есть вчера? – уточнил Эльдад.

– Да, – Марина кивнула. – Антон попросил заехать за ним к десяти тридцати. Из гостиницы я повезла его в редакцию. Он забрал документы из сейфа Виктора Сергеевича, сделал

---

²⁹ *Абба Эвен* – израильский государственный и политический деятель, министр иностранных дел Израиля с 1966 по 1974 год. Родился в Кейптауне (ЮАР) под именем Обри Соломон Меир Ибан.

копии, и в четверть двенадцатого мы выехали.

Марина говорила медленно, то ли пытаясь контролировать каждое свое слово, то ли боясь упустить что-то важное.

– Вы высадили господина Голованова у особняка Михайлова?

– Да, у самых ворот, – кивнула Марина. – Мы договорились, что я его дождусь и верну в гостиницу. Но мне нужно было заправить машину, и я сказала, что отлучусь минут на двадцать – двадцать пять. Он улыбнулся и сказал, что ни за двадцать, ни за двадцать пять минут эта встреча не закончится.

– А документы? – спросил Эльдад.

– Что документы? – не поняла Марина.

– Документы он взял с собой?

– Конечно. Копия была у него в руке в пластиковой папке, а оригинал он спрятал во внутренний карман пиджака. Пиджак чуть оттопыривался, и я ему об этом сказала, но он махнул рукой и ответил: «Ничего страшного. На этой встрече содержание важнее формы».

Эльдад помедлил, потом черкнул что-то в блокноте.

– Что было дальше?

– Я поехала заправлять машину.

– Где вы заправлялись?

– На РАШИ³⁰. Там на углу с улицей Иуды Маккавей³¹ есть

---

³⁰ РАШИ – акроним от имени рабби Шломо бен-Ицхака, крупнейшего средневекового толкователя Талмуда, духовного лидера евреев Северной Франции.

заправка «Делек».

Эльдад нетерпеливо кивнул, дескать, знаю я эту заправку.

– От Абба Эвен до этой заправки минут десять езды, – сказал он, прокручивая в голове маршрут. – От силы двенадцать. И столько же обратно. Плюс пять минут на саму заправку. Всего минут тридцать?

– Да, примерно, – согласилась Марина. – Но я ехала чуть дольше. На Яффо была небольшая пробка, и на заправке передо мной были две машины. Так что я вернулась минут через сорок. Может быть, сорок пять.

– То есть около двенадцати сорока? – уточнил Эльдад, занеся авторучку над блокнотом.

– Примерно так, – кивнула Марина. – Я не посмотрела на часы, но, думаю, именно в это время я вернулась. Припарковала машину около особняка Михайлова. Ждала до половины второго. Но Антон не выходил. Я решила спросить у охранника. Там перед воротами стоит будка, а в ней охранник...

– Все это время вы сидели в машине? – спросил Эльдад.

– Да. Сидела и слушала музыку. В половине второго я

Родился в 1040 году, скончался в 1105 году.

³¹ *Иуда Маккавей* – один из руководителей восстания евреев против сирийского царя Антиоха IV Эпифана (так называемое восстание Хасмонеев) во II веке до нашей эры в Иерусалиме. Царь Антиох намеревался искоренить иудаизм и ввести вместо него культ греческих богов. В честь победы восставших установлен праздник Ханука. Иуда погиб в бою в 160 году до нашей эры. Его дело продолжили братья.

решила выяснить, где Антон. Я подошла к будке и сказала охраннику, что я жду посетителя, который встречается с господином Михайловым. Охранник сказал, что Антон уже ушел. Вышел из ворот, сел в такси, которое ему, вероятно, вызвали, и уехал. Я сказала, что этого не может быть, что Антон должен был подождать меня. Охранник связался с офисом. Там подтвердили, что Антон уехал. Я спросила, в котором часу. Охранник ответил: «В половине первого». Я поняла, что мы с Антоном разминулись минут на десять.

Марина замолчала. Эльдад Канц попытался оценить то, что услышал. Странная ситуация. Почему Голованов так торопился уехать? Что-то здесь не вяжется. Не пытается ли эта девица его обмануть?

– Почему же Голованов вас не дождал? – Эльдад не сводил пристального взгляда с лица Марины. – Ведь вы же договаривались.

– Не знаю. – Марина дернула плечами. – Меня это тоже удивило. Но я решила, что он куда-то торопился и потому вызвал такси. Я начала ему звонить, но он не ответил. Его мобильный телефон был отключен.

Словно желая отвлечь внимание лейтенанта, она двинулась в кресле, отчего ее грудь колыхнулась, и вновь красиво скрестила лодыжки. Эльдад невольно взглянул на ее ноги, но тут же отвел глаза. Пусть эта девица не думает, что лейтенанту Канцу важны ее обтянутые юбкой бедра и высокая грудь. Он здесь только для того, чтобы выяснить истину.

Под строгим взглядом Канца Марина смутилась.

– Это все, – пробормотала она. – Больше я Антона не видела.

Эльдад Канц захлопнул блокнот.

– Естественно, вы больше его не видели. В половине первого Антон Голованов вышел из офиса Михайлова, а через два часа его застрелили в зале кинотеатра.

Лейтенант перевел строгий взгляд с Марины на Сорокина. Пусть не думают, что они так легко отделаются от проницательного инспектора полиции.

– Почему же все-таки его убили? Почему именно в зале кинотеатра?

Сорокин опять тяжело запыхтел и развел в стороны пухлые ладони.

– Даже представить себе не могу.

Канц повернулся к Марине. Под его тяжелым взглядом девушка села ровно и одернула юбку.

– Я думаю, из-за расследования, которое он вел против Михайлова? – тихо проговорила она.

«Конечно, из-за расследования», – мысленно согласился с ней Эльдад. Вот он и выяснил важный факт, который позволит им вычислить убийцу. А этот бюрократ Битон хотел задушить его инициативу.

– Вы говорили о документах, которые были у Голованова, – начал Эльдад, глядя на Марину, и та часто закивала, готовая подтвердить каждое свое слово.

– Да-да, он взял и копии, и оригиналы документов. Копии были в папке, а оригиналы. . .

Это Эльдад уже слышал.

– Когда Голованов был убит в зале кинотеатра, – перебил он, – никаких документов у него при себе не было. Ни копий, ни оригиналов. Ни в кармане, ни в папке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.